

Сергей ЯНАКИ

Дело № __4__

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Хроника «Империи зла»

CZU 821.161.1(478) – 1

Б

Совершенно секретно. Дело №... // Янаки Сергей. Кишинев, “Grafik Design”, 2008, – 220 р., 300 экз.

Эта книга была задумана мной как песенный сборник. Как она получилась – судить Вам. Но если между строк Вы услышите мотив, мелодию, а может даже и музыку – значит все было не напрасно.

С уважением, ваш автор.

Издано при содействии Центра русской культуры в РМ

Редактор: Дм. Николаев
Корректор: Е. Рашкова.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cartii

Совершенно секретно. Дело №... // Янаки Сергей.
– Ch.: “Grafic Design” SRL, 2008, – 244 р.
ISBN 978-9975-9758-1-0
300 ex.

CZU 821.161.1(478)–1
Б

© текст: С. Янаки.

ISBN 978-9975-9758-1-0

Империя зла

Кто сказал: „Империя зла“,
Понесли тут же бранное имя.
Только знаю, она не могла.
Клянусь вам именем сына.

Как братья седые Аяксы,
Понимая друг друга без слов,
Запели свое англосаксы,
Не стало империи грез.

В оковах страшного плена
Спрашивал сам у себя:
Был это заговор или измена,
Тяжкий сон больного ума.

Неужели нужда и коварство
Мощь обрели над добром.
«Империя зла» - без рабства.
Она вынесла всех горбом.

Помню ее с колыбели.
Чуткую нежность в руках.
Англосаксы все-таки смели
Предложить договор на паях.

На вечный вопрос бытия,
Не уронит ответа гордость.
Материнская ласка – здесь не цена.
Она – неподкупная совесть.

Клянусь, что твои соболя,
Сверкать будут золотом щедро.
На венценосных шпилях Кремля,
Биться будут рубины, как сердце.

Не забудет тебя моя память,
Нерушимы эти границы.
Англосаксы еще мне заплатят.
Я запомнил их черные лица.

Клятва нас вела через года

Клятва нас вела через года.
Ее твердили мы как «Аве, Отче»...
Мы верили, что в логово врага.
Придем однажды ... среди ночи.

В строю моем все, как один.
Усталость, не найдешь ты в сердце места.
Все павшие пришли, чтоб взять Берлин.
Бессмертные дошли они из Бреста.

Те самые, что в битве под Москвой,
Под Ржевом, Псковом, Сталинградом.
С марша уходили в смертный бой,
Чтоб неизвестным стать солдатом.

Простите, что не помню всех в лицо.
Но для победы вам и душ не жалко.
Мы взяли это логово в кольцо,
Чтоб вырвать навсегда у гидры жало.

Придет конец последней из атак.
Вернется даже кто-то к мирной пашне.

Но утром нынче мы возьмем Рейхстаг,
В последней, самой страшной, рукопашной.

Со смертью были мы всегда честны.
Но и она сама от жертв устала.
Мы все отдали ради той весны,
Чтоб, наконец, победа нашей стала.

Кто искал в поражениях победу

На всю бессмертную душу
Принимаю во все закрома:
Всех поражений сушу,
Всех отступлений моря.

Все штыковые атаки.
Котлы. Окружения. Плен.
Рвы. Окопы. Бараки.
Штукатурку расстрелянных стен.

Все дорожные версты и хляби,
Смертный, кинжальный огонь,
Жажду прострелянной фляги.
Рыдания всех похорон.

Все курганы изрубленной плоти.
Облака истерзанных душ.
Все пытки звериной злобы.
Белый саван нетопленных стуж.

Без письма всем, пропавшим без вести,
Но исполнившим долг до конца.
Вашу смерть принимаю на месте,
Без отхода от стана врага.

Кто шел по ненастному следу,
Кто не верил в черную весть.
Кто искал в поражениях победу,
Во всех отступлениях - честь.

Принимаю как высшую доблесть -
Добродетель бессмертной души.

Кто, как кару, земную совесть,
Пронес через все в мире грехи.

Слышишь, близкая мама

Слышишь, как слышу тебя, близкая мама.
Легли расстояния, как годы, как вехи.
Твой огонь не остынет, теплое пламя.
Голос далекий - нежное эхо.

В молчании моем так мало света,
Таишь ты от прохожих кроткий взор.
Ваш блудный сын не передал привета?
Сошел он там, как поезд с тормозов!

Тебе не отправлял всех писем, мама,
Но верь мне, каждый день пишу.
Все письма соберу и вышлю телеграмму,
И следом сам к вокзалу заспешу.

С собой приволоку я ворох денег.
Себе ты не изменишь ни на грош.
В глазах твоих останусь вечно беден.
Богатств моих ты просто не возьмешь.

Ах, если б жизнь опять начать сначала,
Вернуться бы к заветным берегам.
Чужого не искал бы я причала,
И своего другому не отдал.

Здесь тосковал и мучался в разлуке,
Искал рассеянных по миру земляков.
Однажды память там взяла меня на руки
И подняла до самых облаков.

Увидит кто на небе, как и прежде,
Безгласый, пролетевший в тучах клин.

Одна ты не оставила надежду,
Ответила: „любимый, блудный сын“.

Снег завалил мир по крыши

Снег завалил мир по крыши,
Под дымоходы печей.
А может еще и выше,
До самых млечных путей.

Домотканная, белая пряжа
Укутала тысячу верст.
Только звезды мерцают, как сажа,
Как черный, масляный холст.

Все живое уткнулось в сугробы.
В зеркалах отразилась луна.
Зачерствели до скрипа морозы.
Дворцы вознеслись изо льда.

Не видать в округе огней,
Только пылают полозья.
Так зима на тройке коней
Пробивает дорогу обозу.

Кто-то бросился тенью под сани,
Словно хворост в жаркий огонь.
Там рассудок, скользящий на грани,
Помутился и пал в белый сон.

Только голос далекого хора,
Будет звучать мне всегда.
Что придется нам пить очень долго.
Эту снежную чашу до дна.

Этот снег завалил мир по крыши,
Под дымоходы печей.

А может еще и выше,
До самых млечных путей.

Почтальон

На груди моей медальон,
Сумка через плечо.
Я один такой почтальон:
В телеграммы и письма влюблён.

В дверь звоню, в домофон.
К вам спешу прямо с дороги.
Порой будоражу ваш сон,
Обиваю чужие пороги.

Но сегодня без лишних прелюдий,
Я и сам не люблю этот стук.
Бога ради простите, люди!
Я стал почтальоном разлук.

В моей сумке печальные вести,
И новости вовсе не те.
Жених отказал невесте,
И уехал с другой налегке.

Украдкой несу черный траур,
Что поделаешь: жизнь - это смерть.
Не гранит мое сердце, не мрамор.
Я за вас готов умереть.

Я хожу по жизни с сумой,

Наши встречи почти неизбежны.
Я завтра буду другой,
Почтальоном любви и надежды.

Всем доставлю признаний сонеты.
Бандероли, посылки, счета.
И поздравлю с рождением где-то,
Где с печалью входил лишь вчера.

Открывайте, пожалуйста, двери.
Кто еще не знает меня.
Медальон.- Он всегда на доверии.
Моя сумка - это душа.

Ревность

Ревность неотступно при мне,
Как завидная кара.
Как бритва мерцает во мгле
Ее беспощадное жало.

Крадусь у нее по пятам.
Я раба своего наважденья.
Узнаю ее по шагам,
По телефонным гудкам, по движеньям.

Приве:

Ревность меня покарала
На тысячу долгих лет.
Есть для нее начало,
Только конца видно нет.
Стали бессонными ночи
И окаянными дни.

В одиночестве нет больше мочи.
Мы остались с ней только одни.

Бьется пульс учащенно в полет,
Когда вижу порочные губы.
Этой лжи нескончаемый гнет.
Любовь она нашу погубит.

Разведи же объятьями страхи.
Пусть скроется черная тень.
Брошу сердце однажды на плаху,
Чем с ревностью жить каждый день.

Разводные мосты

Что-то случилось в природе вещей.
Преграда легла между нами.
Машины, исполнив волю людей,
Ближе все же не стали.

Даже скорее в сердечных делах
Их помощь никак не полезна.
Ведь дорога к тебе, что раньше вела,
В стихии исчезла бесследно.

Привет:

Ну, почему у нас все не так?
Хрустальные есть, золотые.
Какой-то придумал гений чудака.
Эти мосты разводные.

Только порою бывают к живым,
Безжалостны монстры стальные.
Взлетели мосты взмахом одним

К небу, как птицы, шальные.

Все мосты стоят как мосты
А эти, сраженные чудом,
Летают всю белую ночь до зари,
Окрыленные пламенным чувством.

Вернитесь, мосты, к своим берегам.
Каждый пусть обретет свое место.
Но парят все влюбленные лишь к облакам.
И призывы для них мои тщетны.

СССР

Есть на свете вечные цыгане,
Затерялся с ними мой пострел.
Сел я на иглу воспоминаний,
На бессмертный мой СССР.

Он был рожден, как пламень из огнива,
В огне кровавых войн и бурных вех.
Под солнцем на гербе там, - колосилась нива,
И тех даров хватило бы на всех.

Привез:

Пилигримы, сорванные с мест,
Это наш на всех СССР.
И шепчу и верую: воскрес –

Мой союз сошел ко мне с небес.
Пусть умрут навеки все вожди,
Только ты, пожалуйста, живи.
Как лоскут нетленного огня,
Ты бессмертен в сердце у меня.

Мы знали наизусть все наши песни.
Пусть разнесло судьбой нас по углам.
Мы всех «врагов народа» были дети.
Не долгим был наш мир, когда пришла война.

Кто-то скажет: „ Просто на костях,
Мы все-таки прошли тот марш победы“
Там реет навсегда мой красный стяг –
Над черными знаменами измены.

Мой SMS как SOS

Зачем ты пропускаешь мой звонок?
Намеренно уходишь от погони.
То вдруг подступишь на бросок,
И снова не возьмешь убитый телефон.
Ведь жизнь моя живет в гнезде твоей ладони.

Слова мои тебе не по нутру.
Твои поступки ядом полны.
Но шлю тебе и в даль, и в пустоту:
Из сердца в сердце – Мегаволны.

Привет:

Лишь точки да слова.- Мой SMS как SOS,
От дьявольского изнываю бега.
Бегу я в одиночку бессловесный кросс,
А дальше ждет наверно эстафета.
Скорей всего - мобильный мой - банкрот.
И оператор разве что не лает.
Опять я набираю, как игрок Джек-пот,
Но номер твой опять не отвечает.

Ты, жалуя, жалеешь сбросом цифр,
Бросаешь телефон на дно улыбки.
Я как заложник твоих фибр.
Ответь же на звонок, мой бессердечный сфинкс.
Так беспощадно ты караешь за ошибки.

Но мысли прежние ловлю, как на беду,
Меня сведут они на дно могилы.
Мне лишь сказать тебе, что я люблю.
Когда ты говоришь „Алло“ в пол-силы.
Таким, как ты, не нужен телефон,
Для электронных чувств неуязвима.
Последний раз давлю на тон:
Абонент не доступен, – как приговор.
Так просто тишина все объяснила.

Меняю безлимитный свой тариф,
Забыл эфир – там я уже не чаюсь
Прощай навсегда, семизначный мой миф
Прощай навсегда кумир мой и миф.
Так ясно мне теперь твое молчанье.

Песням моим, как птахам, пичужкам...

Песням моим, как птахам, пичужкам,

Разлететься по свету судьбой суждено.
Кто улетит, кто-то будет на побегушках.
Кто-то будет клевать чужое пшено.

Кто-то откроет сам клеть птицелова,
Кто попадет в тугие силки.
Только ваш был от первого и до последнего слова.
Мои соловьи, перепелки мои.

Кто до поры от горя остынит.
Кого-то сразит наповал тетива.
Все точки свои запишу в запятые,
Глухари вы мои, тетерева.

Разойдутся по небу тяжелые стоны.
Кто-то будет шептать у высокой стерни.
В оркестр тот сольются сороки, вороны,
Безгласые голуби да воробьи.

Но жметесь в сторонке не стайная птица,
Кукушка моя и так чуть жива.
Наше время пришло. Только время проститься,
И эта минута давно истекла.

Но снова восславлю пернатые дивы.
Будем же клятве навечно верны.
Не бейте в гнездовьях - мои лебединые силы,
Пока не покрылись пухом птенцы.

Пусть не вел вожаком перелетную стаю,
Не отмечал, как причал, все крылатые вехи.
Летите туда, где вас не достанут,
Журавли вы мои, белые стерхи.

Ах, только меня потяни

Наши взгляды с тобой „визави“
Сплелись в разноцветный клубок.
Ах, только меня потяни –
Тонкой ниточкой лягу у ног.

Все не ладится наш разговор,
Но ловлю твои тонкие пальцы
Ты уже вышиваешь узор.
И щекочут меня твои пальцы.

Ты можешь тонкую шаль
Связать из послушного тела.
Для тебя ничего мне не жаль.
За работой, – только б ты пела.

Родная кудесница, слушай,
Свяжи из меня теплый шарф.
Лишь бы мне узелком не нарушить
Твой веселый, жизненный нрав.

Это, братцы, нелегкое дело,
Из пустого что-нибудь прясть.
Ты из петель моих умела
Всегда уходить смеясь.

Прошу: никогда не грусти,
Не печаль свою добрую душу.
Просто хочешь меня распусти.
И по новой: шей и вяжи.

Вечный, как солнце, Константинополь

Пал мой греческий мир,
Белый на солнце акрополь.
Ты для сердца единственный Рим.
Вечный, как солнце, Константинополь.

Тебя сподобил Господь
Щитом от неверных полчищ.
На страже христианских основ,
Православных, церковных вотчин.

Здесь, на скальной гряде,
Словно не спящее око.
Талисман золотой, на воде.
На рубиконе - запада и востока.

Неприступный развеян миф,
Опьяненные братья по крови.
Крестоносцы сбросили нимб,
Овладели Царьградом по злобе.

Мой защитник низложенной веры,
Софийский собор обесчещен.
Покатились в Босфор венценосные вены:
Море стало навечно турецким.

Византийский, незыблемый остров,
В океане погибельных битв.
Разбужу твой рыцарский остов,
Прочитаю молитвы, как гимн.

И ударит огонь с бастионов,
Очнется великий Царьград.

Свободный от всех легионов.
Пророков исламских, янычарских бригад.

Это вершина еще не моя

Это вершина еще не моя,
Но уже, как на ладони.
Ползет наша группа, словно змея,
С камня на камень, от породы к породе.

Здесь проложили мы новый маршрут.
Кто-то ведь должен быть первым.
Попрошались навечно с теми, кто ждут.
Положились на крепкие нервы.

Но с каждым шагом труден подъем,
Не хватает на всех кислорода.
Может, назад еще повернем –
Не бывает в горах слишком поздно.

Встала, как горб ледяная стена,
Белая вечная глыба.
Братцы, тут нам - точно хана:
Ни ступени на ней, ни изгиба.

Взяли вершину в стальное кольцо,
Штурм сменяется штурмом.
Ледорубом ударил вершине в лицо, -
Тут же ветер сбросил с уступа.

Уже онемела от боли рука,
И тело прощается с духом.
Накроет меня ледяная гряда,

С органичным, грохочущим звуком.

Шепчу: - «не могу» - и карабкаюсь вверх:
Здесь держат одни только зубы.
Я должен подняться на вершину за тех,
Кто за страх никогда не осудит.

Пусть это вершина еще не моя,
Но уже, как на ладони.
И снова группа ползет как змея:
С камня на камень, от породы к породе.

Десять лет без передышки

Десять лет, как волк, без передышки,
Слоняюсь по заброшенным углам.
И вся моя вина: я не дошел до вышки;
Чуть-чуть - до нефтяной, лишь три шага.

Срываю на пустое волчью злобу,
Иду под пистолет на свой рудник.
И вся моя вина: попал я на породу,
Но недругу достался золотник.

Постыло все, иду «ва-банк» я смело.
Метаю нож, когда идет игра.
И вся моя вина: нитью белой шито дело,
Где «дядя» - портной, а я просто игла.
Создал Господь меня для этой драки.
Бродягой был для многих, нелюдим.
И вся моя вина: мои дворцы в бараки
Однажды кто-то ночью превратил.

Казалось мне, что люди доброты,
Когда лечили сердце от хандры.
И вся моя вина: я принял их заботы,
Но милосердие вписали мне в долги.

Страданиям плачу безмерно дань.
Судьба опять ко мне не благосклонна.
И вся моя вина: любил я эту даль,
Сильнее статистического волка.

Но вот во тьме вдруг вспыхнули погоны,
И пот струится, сердце взаперти.
И вся моя вина: в агонии погони
Я все еще кричу: „А – ну, меня возьми“.

В моих глазах еще горят лампы,
Их затушить - и вся-то недолга.
И вся моя вина: моей души караты
Достались просто смерти навсегда.

Мы ходили в мореходку

Вы не знаете – поверьте –
Я экватор – сотню раз –
Без компаса и рулетки
Проходил, клянусь, на глаз.

Кто не знает ту походку?
Тот торговый флот страны.
Мы ходили в мореходку
Не за белые штаны.

Все нам в бровь и все нам по лбу,
И летит за борт балласт.
Даже с этим ромом бочку, –
Капитанский был приказ.

Мы под килем якорь сушим,
Паруса нам рвут ветра.
Не работаем, а служим, –
Вахту служим на ура.

Привет:

Нам причало... чала – мало.
Мы моченные в шторма,
Сельдью, меченные тралом,
Матом грозного старпа.
Волк морской, как на учебе,
Нипочем ему и риф.
Он канатами к утробе,
К бескозырочке привык.

Боцман наш, он от природы,
Весь наколот до бровей.
Он и в страшную погоду,
Задымит на дне морей.

Но его главней на свете,
Нет, не повар, - просто кок.
Он на камбузе в ответе -
Наш котлетный, рыбий бог.

Словно рыцарь без забрала,
Наш корабль спешит легко.
Задышало океаном,

Потянуло гребешком.

И клянусь морской креветкой,
И акулой, и китом.
Чтоб улов наш был не бедным,
Женщин в море не берем.

И еще морским ежом,
И сухим до капли трюмом.
Море вам, ну не Боржом,
На воде нас держит юмор.

Грустными шагами

Я дорогу грустными шагами,
Словно окаянную судьбу,
Мерил кандалами, кабаками,
Братьями по крови и Христу.

Кланялся, как сестрам верстам в пояс,
Клятвенно молился на восток.
Как слепой, я шел всегда на голос,
Тот, что мне дороже ста дорог.

Был я рад в пути любой телеге.
В ноги падал к чахлым лошадям.

Приставал незванным к паре, третьим, - на ночлеге.
В тройке, коренным к закату рвал.

Но злые ямщики, стреножив думы,
Поведали цыганскому ярму.
Под желтые чарующие струны,
Свели с серьгой к кудлатому костру.

Только ни к чему цыганам кони.
Им как людям – пить и есть.
Под струну готов плясать на совесть,
Как ручной опоенный медведь.

Я дорогу грустными шагами,
Словно окаянную судьбу,
Мерю кандалами, кабаками.
Братьями по крови и Христу.

Страданий моих ожерелье

*Все для тебя,
Лишь позови;
Все сокровища дня,
Все богатства ночи.*

Хочешь, пляяду звезд
Заплету в жемчужную нить.
Хочешь, тончайший шелк,
Который вовек не сносить.

Рябиновый луч зари,
Алмазную пыль тумана.
Хочешь все это бери.
Твое это все без обмана.

Песок золотой пустынь,
Сапфиров горящие росы.
Только ко мне не остынь,
Распусти свои русые косы.

В плену твоей красоты,
Как инок, в оставленной келье.
Ты - икона земной красоты,
Страданий моих - ожерелье.

Пусть совсем она беспородная

Пусть совсем она беспородная,
Забывась, словно пьянь в кабаках.
Это мама моя – мама родная,
Седина у нее на висках.

Что стоишь ты всегда на коленях.
Пред Богом какая вина?
В плену у зеленого змия.
И в мире всегда одна.

Душа не ведает жалости,
Словно соткана из тоски.
Что-то есть грустное в старости.
Ты на руки ее посмотри.

На них, как будто клеймом,
Вековой, не оплаченный труд.
Нищета затянуло в ярмо:
Без хмельного уже не уснуть.

Я давно уже сам и не свой.
Как вырвать тебя из напасти?
Самый страшный, женский запой;
В нем ты тонешь, сгораешь от страсти.

Мне б не видеть такого веселья;
Слезный бунт и родительский пыл.
Это страшное слово: похмелье, –
Поднеси мне, кровиночка-сын.

Ну, очнись же от пьяного дыма.
Я вынес тебя на руках.
Ты согреешься нежностью сына
И чистой водой родника.

Не скоро пройдет твоя мука.
Но однажды станет ей тесно.
И почит вековая разлука.
Подойдет наша встреча, как тесто.

Ты постелешь чистую скатерть,
Напечешь полный стол пирогов.
И будешь стоять в белом платье,
Как прежде – во веки веков.

Минотавр

Твоя красота, как нить Ариадны,
Из тьмы указала радостный свет.
Но глаза минотавра к себе беспощадны.
Во мраке один – и выхода нет.

Пали к ногам твоим целые царства:
Все земные, морские твердыни.
В лабиринтах блуждал бесконечного рабства,
Но имя твое уста не забыли.

Как прежде сияет золотом руно;
В поход обратились герои Эллады.
Только ты, совершенное в мире панно:
Нет выше, честнее и слаще награды.

И вот лабиринт из яви и были,
Развернется, сном не тронутых, сил.
Клубок закатился, его позабыли.
Но бессмертную нить минотавр сохранил.

Как прежде, венком из столетнего лавра
Покроет героя людская молва.
Только в глазах - любовь минотавра,
Еще на мгновенье... в сердце жива.

Твоя красота как нить Ариадны,
Из тьмы указала радостный свет.
Глаза минотавра стали прекрасны.
Печали моей ты грустью ответила вслед.

Кричат мне все: „остался ты на старте“...

Кричат мне все: остался ты на старте.
Соперники ушли давно вперед.
Лишь твой болид буксует на асфальте,
Поднялся на дыбы и не идет.

До судорог давлю ногой на газ.
Но он как черт – он просто непреклонен.
Не время гонор выставлять сейчас.
Еще чуть-чуть – и мы их не догоним.

Сцепленье рву. Задета моя честь,
Бросаю вызов, сам осилю ралли.
Готово сердце кровью всей истечь.
Однажды мне из груд его собрали.

Ну, кто придумал эти гонки
Вернуться все боллиды, сделав круг.
На этой трассе не бывают пробки.
Они сомнут нас, опрокинут, разорвут.

Да, не хватали с неба звезды.
Но не плелись вот так в хвосте.
Окончились победные заезды.
Как гончие пришли к своей черте.

Все кончено, нас тянут с трассы.
С буксиром съехали в кювет.
Но что это? Как будто шасси
Вдруг разбежались и пошли на взлет.

Колонну не достать с земли – все вижу.

Бросаем в воздухе балласт.
На финише не хватит нам резины,
Колодки тормозные стерты в прах.

Мы разобьемся здесь у этих стен,
Не хватит нам заветной высоты.
И мой боллид уходит резко в крен.
Да так, что рушатся ведущие мосты.

И лики наши с гаревых икон
Читает на трибунах мертвый шепот.
Эти все... поставили на кон,
Прямая их уходит сразу в штопор.

Пересекли мы все-таки черту.
Быть первыми - не так уж мало.
А смерть уже назначила цену,
Она ждала у черного ангара.

Кричат теперь: „Закономерный финиш.“
Соперники сидят все по домам.
Лишь нас собрали из осколков тысяч.-
На памятник безбашенных атак.

Мы расстались на веки - вечные

Мы расстались на веки - вечные,
Как на рейде корабли.
Только души наши, как дети беспечные,
Разлуки понять не смогли.

Мы махали друг другу с палубы.
Ветер бил в паруса.

Если б знали мы, если б знали бы.
Что разлука, она навсегда.

Привет:

Якоря, бросьте в морскую пучину.
Нас еще можно – верю – спасти.
На маяке не тушите лучину.
Не то я открою кингстоны свои.

Якоря, не жалеете стального металла,
Материи этой довольно вокруг.
От боли душа распласталась причалом.
Бросило сердце навстречу спасательный круг.

А волны уносят нас дальше и дальше.
И тает вдали твой родной силуэт.
Видит бог, но такого отчаянья раньше,
Не знал ни один на земле человек.

Мы никак не расстанемся взглядом.
Обмелел горизонт и стал пуст.
Ты теперь далека, но для сердца - ты рядом.
За тобою незримо отправлюсь я в путь.

Построю дом у самого синего моря

Построю дом у самого синего моря,
На желтом песке, из коралловых лучших красот.
Приглашу старика, седого, как лунь, Посейдона.
Друзьями наполнится дом, как сотами мед.

Поспешите ко мне без всех церемоний,
Дворец там стоит совсем без дверей.

Подарю тишину вам синих симфоний,
Купола без границ южных ночей.

Позовут, как на вахту, все океаны.
Заброшу в волну золотой портсигар.
Там ром разливать мы будем в стаканы,
Забивать в мундштуки мулатный загар.

Ждать буду всегда тот последний корабль,
Как самое сущее в этой глуши.
И парус сверкнет, как лезвие сабли.
Маяк разожгу, открою фарватер души.

Пройдут караваны белых эскадр.
Мой сказочный остров и дом на подмогу.
Пусть пушечный выстрел, радостный залп
Мне возвестят, что все на земле - слава Богу.

Как старая нянька, пенный прибой
Дом будет качать на синем просторе.
Жемчуга моих слез везите без счета домой,
Поведайте всем, нежную сагу о море.

Где-то счастье мое заплутало

Где-то счастье мое заплутало,
Отзовись одинокой душе.
Так давай же начнем все сначала,
Как новую жизнь налегке.

Открыла тайник моя память,
Той девчонки глаза непохожие
Судачили девки и парни.

Между нами любви быть не может.

Но юность не помнит страдания.
Отчего же так тяжело?
Уехал к судьбе на свиданье,
А стал ее женихом.

И легли между нами разлуки,
Как холодные реки воды.
Неужели любовь - это муки?
И брод теперь не найти.

Но паром - это тоже дорога,
Показались родные места.
Здесь, у самого желтого стога,
Поклялась ты дожждаться меня.

И взглянули глаза мне из бездны,
Пал на самое дно и затих.
Столько лет я искал эти звезды,
Ради них я скитался и жил.

Где-то счастье мое заплутало,
Отзовись одинокой душе.
Так давай же начнем все сначала,
Как новую жизнь налегке.

Этот путь

Этот путь проложили другие.
Те, что духом всегда посильней.
Версты земные в мили морские
Они сбросили со штапелей.

Сразили земные устои.
Эти рыбы, лишенные жабр.
Без моря все в жизни пустое,
Для нас материк - лишний скарб.

Нам на плоть выросла чешуя -
Ненавистные сброшены сети.
Мы вернулись... Из небытия,
Путь скитаний избран навеки.

Связали узлы наши души.
Ветер вздернул на реях ткань.
Мы только рабы на суше.
Нас губит твердая статья.

Мы родные только по крови,
Нашу близость разъела соль.
Сердца как компасы по зову,
На север направили ствол.

Они вбили тяжелые клины,
Днищами всех кораблей.
Во все морские пучины
И покой обрели на дне.

Мужчина, как ваше имя?

Мужчина, как ваше имя?
И не стойте вы так далеко.
Это грудь, не коровье вымя.
-А дает оно молоко?

- Ведь право же, - я хороша.
Ну, что вы, как бык, все мычите.
- Считаю в уме до ста.
- Сколько будет? – Когда все продадите.

- На меня вы смотрите жадно,
Не моргая три четверти часа.
- А дает ваша ферма сметану.
- А сливки, а масло, а мясо?

Другой бы набросился смело,
А этот стоит, словно столб.
Тут есть где, взяться за дело.
Молока вам хватит на год.

Мужчина, а вы не маньяк?
Что-то личность мне ваша знакома.
- Я женщина не при делах.
И в мыслях не думал вас трогать.

Поглядите на тучные бедра.
Какая нога. А размер.
- Да, капкан здесь нужен на лося.
- Вы охотник, нет, - браконьер.

Когда девушку вы соблазните,
Как прежде не сможете жить.
Мужчина, меня не дразните;
Тоже Гамлет: быть иль не быть?

И что вы за мной волочитесь.
- А сейчас мне уже все равно.
Вот брительку здесь растегните.
И ложитесь. Не так далеко!

Ну, что вы такой непоседа.
- Она точно раздавит меня.
- Позовем может лучше соседа?
Он в сексе лучше, чем я.

Любимый, тебя из тысяч.
Я искала всегда из толпы.
Ты можешь искру во мне высечь?
-Кто я? Кто ж еще. Ну, хоть ты

Обнимай меня снова и снова.
Твой образ пришел мне из снов.
-Не скажу про заначку ни слова,
Хоть пытай меня утюгом.

Протяни же навстречу мне руки.
-Ну, почему снова я.
Или протянишь ты ноги.
Как многие все до тебя..

Ну, дорогой, где твой паспорт,
Подаем заявление в загс.
- А вот это право напрасно.
- Я и так не подарок, а со штампом дурак!.

Пасха

Это сладкое слово – Пасха,
Всегда долгожданная явь.
Поститься сейчас напрасно.
Судный час наступил для яств.

Куличи, петушки и сдоба.
И целая кадка кутьи.
Есть начинай все с порога,
А лучше еще в пути.

Духом пряным из детства
Повалит с высоких небес.
Лишь с ума не сойти от вести
Тот, кто умер за нас, - Он воскрес.

И ударят со стен не куранты,
Так из яиц Фаберже.
Пьяные в дым дилетанты,
Будут пеной взбивать безе.

И шелухой разноцветной
Вспыхнет весенний салют.
И радостью, счастьем и светом.
Все чудом наполнится вдруг.

Кто канул безвременно в лету,
В святую воскреснет он Пасху.
Сердцем верю я в истину эту,
Как ребенок в добрую сказку.

Ты бросаешь под ноги корсет

Мы сейчас с тобой тет-а-тет.
Я снимаю на сердце засовы.
Ты бросаешь под ноги корсет,
И желанья парят невесомы.

Все не ладится наш разговор.
Видит бог, теперь и не жаль,
Рвутся руки мои на простор:
Твою поднимаю вуаль.

Зачем ты отводишь глаза?
Их спрячешь под веер ресниц.
Только не навсегда.
Прошу, - из разлуки вернись.

Снова взглядом ловлю чуткий взор,
Стыд в них читаю и нежность.
Я сердце свое в дозор,
На целую, выставлю вечность

Зачем нам, родная, слова.
Ты стала навек моим богом.
Ведь порой одна тишина,
Больше слов говорит о многом.

Мы сейчас с тобой тет-а -тет.
Я снимаю на сердце засовы.
Ты бросаешь под ноги корсет
И желанья парят невесомы.

Дорога, как клетчатый шарф

Дорога, как клетчатый шарф,
Вяжет на шее свой узел.
Но как не огромен наш шар.
Он к счастью окажется узким.

Судьба свой бег семимильный
Сбросит устало на шаг.
И градусы будут бессильны
Нам сейчас помешать.

Без дела провиснут тогда
Все ненавистные версты.
Меридиан провода
Не разлучат нас больше.

Верю, пройдут навсегда,
Все годы канут затмений.
И позовут навека
Полюса всех земных притяжений.

Жизнь его – просто дорога

Жизнь его – просто дорога.
Он один из тех работяг,
Чьи руки всегда в тосоле,
И серая пыль на губах.

Верной рукой он баранку
Крутит который год.
Ни свет, ни заря, спозаранку.
Прогреет мотор. Заведет.

Ближний свет переключит на дальний.
И освещает миры...
Твой труд уважаю, напарник,
Когда засыпаю в ночи.

Этот рейс наш с тобою не первый.
И всякое было в пути.
Дорогой прямой и верной
Ты выведешь из колеи.

Когда же подсядет попутчик,
Который в печали молчит,
Он не станет вопросами мучить.
Лишь скажет, браток, держись.

Ты закуришь свою сигарету.
И опять погружаясь в мечты,
Буду я обнимать торпеду.
А под утро спрошу: «Где мы?»

Мы дружище с тобой у цели,
Километров этак пятьсот
Мы уже с тобой отмахали,
И столько нас еще ждет.

Чего не бывает на свете,
Порою решает лишь миг.
Сколько раз оказавшись в кювете,
Ты прежде спасал чужих.

Зимой гололедные цепи,
Мотал ты на оси колес.
Мы с полным скользили прицепом
Летели с тобой под откос.

Такси огней

Все становится тише вокруг.
Суета чуть-чуть угасает.
И мрак, как ласковый друг,
На плечи мои нависает.

Уходят машины в свой парк,
Трудовая закончена смена.
Только такси не спят.-
Судьба их в ночи неизменна.

Приве:

Такси огней. Такси,
Движут друг к другу сердца.
Видишь во мгле, - они.
Подают свой зеленый сигнал.
Такси огней.-Такси,
Пылают они тут и там.
Только ты не проси,
Замедлить их бешеный такт.

Люди спешат в ночи,
Ведь столько еще разных дел.
Как бабочки-мотыльки,
Шальные летят на свет.

Кроткий и нежный огонь,
Будет светить им всегда.
Умчит он от разных погонь,
Подхватит тебя и меня.

А коль запоздает такси,
На минуту, может другую.
Значит оно в пути,
Где-то душу спасает родную.
Уходят машины в свой парк,
Чей-то закончен маршрут.
Только такси не спят –
Их где-то в тумане ждут.

Душа, как заброшенный храм

Душа, как заброшенный храм,
В пространстве затерянный где-то.
Знаю, эхо живет твое там.
И владеет мной безраздельно.

Это какой-то мираж,
Не покидающий вечность.
Отзовись мой печальный страж
Разлука она, - бесконечность.

Я помню тебя еще той:
Землей разделенной на небо.
Палящей ночной звездой.
Летающей во тьме кометой.

Яви же свой призрачный лик,
Что храм мой без этого гласа.
Как луч он в сердце проник,
Освятит все темное царство.

Ты шептала чужое слово

Ты шептала чужое имя.-

Так ненавистное мне.
Слово, которого просто,
Быть не должно на земле.

Поцелуйи мои сквозь сито,
Как вода уходили в песок.
Здесь чужая душа бессильна,
Зажечь в твоём сердце костер.

Ты ему отдавалась так бурно,
Лишь сон страстных ресниц.
Твой мир приоткрыл мне как будто,
Душу из темных темниц.

Зажмурив глаза до рассвета,
Свернувшись в холодный комок.
Слеза твоя, словно комета,
Твою осветила любовь.

Тень ненавистная. Где ты?
Выйди без страха ко мне.
Телом согрей ее бранным.
Все страхи былые развей.

Открой же глаза на прощанье,
Запомнить хочу тебя той.
Какой ты была на свиданье,
С ненавистной тенью, земной

Страшнее смерти только смерть чужая

Страшнее смерти только смерть чужая.
Я видел это неземное зло.
Где годы молодые.- Остывая,

Глазами упирались мне в лицо.

Страшнее смерти только смерть чужая.
Живые истекая, на руках,
Уже на грань бессмертия ступая,
Наказ свой отдавали как приказ.

Страшнее смерти только смерть чужая.
Последних слов уже не разобрать.
Сестренка милосердия, родная.
Еще пытается в бинты перевязать.

Страшнее смерти только смерть чужая.
И гул стоит и словно шепот стон.
Безвестная она, не наградная.
Как родинка один на всех жетон.

Страшнее смерти только смерть чужая.
Но что она забыла про меня.
Устал я хоронить друзей считая.-
И каждый раз вычеркивать себя.

Всю суету оставим на потом

Всю суету оставим на потом.
И сплетни все в поленицу мы сложим.
Камин холодный в тишине зажгем.
И свечи по углам как звезды тоже.

Затеплится огонь, как лоскуток.
От искры возгорится в душах пламя.
И ляжет тишина у наших ног.
И робко души отойдут от края.

Какими же нелепыми, смешными.
Обиды нам покажутся тогда
И будем мы лежать в костре нагими,
До самого великого поста.

Коль есть большая Родина

Коль есть большая Родина,
То быть должна и малая.
Она порой, как родинка.
Как капля в море талая.

Пусть с виду неприглядная.
И даже некрасивая.
Но до чего же светлая.
Нежная и сильная.

Крохотная, добрая.
Все с простыми мыслями
Жизнь совсем не быстрая:
Как ведра с коромыслами.

Ласковая, мягкая,
Как в полях стога.
И какая сладкая
Горечь на устах.

Нет, она не светская,
Даже не престольная.
Больше деревенская,
Монашка богомольная.

И какие звездные
Ночи здесь без дна.

Урожаи поздние-
Долгая зима.

А душа открытая,
Как в печи дрова.
Всех согреет дивная.
И сгорит сама.

Смотрю на эту родинку.
Как хорошо с тобой.
Только с малой Родины.-
Начало для большой.

Задуют прежние ветра

Так бывает наверно всегда,
Когда старая жизнь угасает.
А новая, как на беду.
За прежней не успеваает.

И стоишь ты застигнутый в поле,
Натолкнувшись душой на грозу.
Сам с собой оказавшийся в ссоре.-
И куда я иду, -не пойму.

Привет:

Задуют прежние ветра,
Разбередят былые раны.
И не уснуть мне до утра.
Постой забвение, не надо.
Пуškai владеют они сном,
Приму удар их неизбежный.
Ведь тем ветрам - я не чужой.
Они прощаются со мной.

Откуда эта пустота,
И где искать ветров границы.
Владеет сердцем доброта.
Где тени там - родные лица.

И поступь нежная и шаг.
И то родное в мире слово.
Как тяжело сейчас дышать,
Очнувшись в памяти бывшего.

Прощай же прошлое. Прощай,

За все меня сейчас простите.
Но заходите невзначай.
Ветра меня домой несите.

Звучал вдалеке оркестр

Звучал вдалеке оркестр,
Как на площади старый шум.
Он словно магнитный вектор,
Праздных зевак притянул.

Там скрипки играли, волторны.
Альт, контрабас и габой.
И текли музыкальные волны,
Почему-то сейчас в разнобой.

Но гласом своим неслышно,
Будто не зная труда,
Как ангел запевший вдруг чисто,
Заиграла одна труба.

И не было лучше концерта.
Никто так еще не играл.
Внимала толпа лишь маэстро-
И вечность никто не дышал.

До сих пор берегу эту встречу,
По ночам представляю себе.
Я труба, на которой ты вечно,
Будешь играть на земле.

Не скрасят жизнь мою флейты.
Все струнные души пусты.
Как все духовые без феи,

И золотой трубы.

Ну, разве он колючий

Ну, разве он колючий.
И почему сразу еж.
Ни капельки он не злющий.
Все это чистая ложь.

Бывает, что он не в духе.
И даже кричит сгоряча.
Не верьте вы в праздные слухи.-
Голос его, как свеча.

Тихий, волнующий сердце.
Дарит он людям тепло.
Что в шрамах, так с самого детства,
С змеиным сражается злом.

Взгляд порой неприветлив.
Смотрит на жизнь, как чужой.
Внутри же, как солнышко светлый.
И даже немножко цветной.

И что за походка, осанка.
И тут вроде полный изъян.
А знаете он без подарка,
Никогда не приходит к друзьям.

Ну, какие здесь игры,
Ладонь опустите руки.
И поймете что острые иглы.
Это мягкие в мире вихры.

Ну, разве он колючий?
И почему сразу еж?

Ни капельки он не злющий.
Все это чистая ложь.

Все не видать долгожданной весны

Все не видать долгожданной весны.
Я словно как будто заснежен...
В ласки закован постылой зимы
До чего стал кротким и нежным.

А сердце кричит, затаившее злобу.
Рану свою, прикрывая рукой.
Только встречу тебя – весну-недотрогу.
Сделаю тут же – на месте – женой.

Но без тебя так пустынна земля.
Да, что там застывшее небо.
И то вопрошает когда же? Когда?
Поля встанут полные хлебом.

Вечность прошла и снова ни звука.-
Канула будто она.
Неужто вот так - не простившись - без стука.
Как воровка - ночью ушла.

И идти не дают - мне сугробы по грудь.
Снег режет узором, как лезвием.
И в тишине - леденящую холодом кровь.
Волки завывали в честь мою Реквием.

Вот вижу ее - весна в забытье,
Как дитя спеленована болью.
Бьется со смертью она в полынье,
С незавидной, проигранной ролью.

Мне бы ее подхватить, как веслом
И выбросить сразу на сушу.
Но смерть и меня своей правой рукой.
Схватила, как черт мою душу.

Вот и я по горло в воде.
И силы с теплом моим тают.
Весну я схватил на том уже дне,
С которого не возвращают.

Покрылся инеем жаркий мой пот.
Но выбросил деву на берег.
А сам ушел под метровый лед.
В спасенье больше не веря.

И сердце в последний, в единственный миг
Тайну открыло мне зряче.
Ведь эту весну тебе не любить.
Она по тебе не заплачет.

Но мне подо льдом - как за стеклом.
Видны все природные дивы.
Что в объятых весны, земля расцвела.
Навечно растаяли зимы.

Только весна не забыла меня.
Мое тело взвалила на горб.
И понесла-через все пронесла.
Одна подняла на холм.

И взлетела душа легко в небеса,

Словно в чарующем сне.
Кто единожды спас-спасется всегда:
В бездонной любой полынье.

Снова встает утром заря.
Согреет она, как и раньше.
И значит, все в жизни было не зря.
Порой видит слепой – всех зрячих дальше.

Ведь все это я написал

Кто чтит с уважением слово,
Тот согласится со мной.
Что слово оно, как подкова,
Счастье приносит порой.

Но я не кузнец и не столяр,
И не седой ювелир.
Сочититель да, разных историй.
Песенных текстов и рифм.

Привет:

Живу всегда за кулисами.
Но на сцену я не ногой.
Выхожу все под разными лицами.-
Жду так долго оваций гром.
Ну, а случится осечка:
Скандал, фиаско, провал.
Не кляните, прошу Вас артиста.-
Ведь все это я написал.

Нет, я не плотник, не прачка.
Не молодой полотер.
Рассмешить тебя зритель, – задачка.
Позволить самим быть собой.

Здесь задыхаясь от пыли,
И от вселенской жары,
Не хочу, чтоб вы сердцем остыли,
Подливаю масло в огонь.

Каждый раз умираю от страха,

При виде пустующих мест.
Для меня тяжелей этой кары.
Не было в жизни и нет.

Тишину не люблю долгих пауз.
Мое сердце. - Ваши глаза.
И тяну свою шею, как страус.
Если в них засверкает слеза.

Ну, а бывало не часто;
Забудет артист свою роль.
Буду тихо, словно причастье,
Свои тексты читать, как суфлер.

Кто чит с уважением слово,
Тот согласится со мной.
Что слово оно, как подкова,
Счастье приносит порой.

Ноги сами несут в казино

Ох, и платил я за веру.
Людам верил как бог.
Такую великую цену,
Что остался, - гол как сокол.

Только хлещет азарт через край.
Как в подвалах-молодое вино.
И иду я в обещанный рай. -
Ноги сами несут в казино.

Привет:

А крупье улыбается мне,

Шарик в нежной его руке.
Точно знает, что я проиграю.
И я ставлю, я ставлю, я ставлю...
Теперь он хохочет в лицо:
Выиграть у нас не легко.
Но все же пожалуй, рискните.
Ведь удача у смелых в зените.

Поставил на черное поле.
Мне на грязь в этой жизни везло.
По нему мы протопали горе.
И даже больше еще.

Не считаю как прежде убытки.
От сердца опять отлегло.
В карманах звенят, словно слитки –
Фишки лежат тяжело.

Поставил на красное поле.
На него я особенно зол
Под столом здесь убитая воля,
Обагрила мраморный пол.

И тут я решился ва банк –
Эх, куда меня вдруг занесло.
И душу свою, как пятак,
Поставил легко на зеро.

Словно черт завертел рулетку.
И стало мне вдруг хорошо.
Ведь крупье закурил сигарету.
Сказал он: «Куш вы сорвали –Зеро»

И теперь в том казино,

Нет ни единой понюшки.
Я выгреб наличность как крот.
Как Авгиевы, - все конюшни.

Только вера моя не рынок.
Деньги всегда, как песок.
И эти ушли за бесценок.
За доброе слово - мешок.

Сны, как закрытые двери

Сны, как закрытые двери,
Порой не открыть без труда.
И целую ночь на постели:
Кручусь и верчусь, как юла.

Глаза, как подзорные трубы,
Горизонт осмотрели вокруг.
Там сны, как вечерние струги,
В гавань ночную плывут.

Спит моя дочка за стенкой,
Как ангел уставший за день.
И решил посмотреть украдкой,
Детский, девичий сон.

А там по имени Барсик,
Котенок недельный живет.
И кукла – ну, конечно же Барби.
А что вы хотели еще.

Там пудра, помада, румяна,
Чулки, пояса и шелка.
И духи уже для шармана.
И дорогие крема.

Пояса, шпильки, булавки.
Лишь портфель как не прибранный стол.
Там записки, сестрички – шпаргалки.
От стыда опустили свой взор.

Но тут засверкали в углу,

Загорелись огнем мне в ночи
И увидел во тьме на полу.-
Хрустальные башмачки.

А за ширмой красивое платье.
Этот цвет так подходит к глазам.
И тут я подумал о свадьбе.-
Когда же все это проспал?

По секрету скажу – как не просто.
Принцесс собирать на бал.
Каждая мелочь так сразу заметна
Должен принц их сразу узнать.

Мы будем кружить с ним в танце.
Он мне сердце откроет свое.
И маленькое, -пусть не в камне.-
Обручальное, подарит кольцо.

И стал я ее подгонять.
Полночь близилась вскоре.
Но ведь может и принц подождать
Минуту, другую и больше.

И тут я совсем пожалел.-
В единственный раз, - видит бог.
Не знаю как даже сказать.
Что не женский, не девичий пол.

А утром проснулась с зарницей.
Подошла принцесса к окну.
И значит все это случится,
Но чуть погодя, наяву.

Женские слезы – дело обычное

Женские слезы – дело обычное,
Верить на слово, им бы не стал.
В них чепуха, все какая-то личная.
Но материнский инстинкт - он всегда капитал.

Мужчина запил, - он не может иначе.
Но в круг не пиши ты его слабаков.
Ведь лишний стакан берет он даже на сдачу.
И сильно пьет, тяжело пьет, - без дураков.

В доме его пустынные окна.
Там для него замолчали шаги.
И не спросит никто:»Почему ты так поздно?
И где новые, муж, твои сапоги».

Как папа тебе живется на свете?
Все обходил стороной я этот вопрос.
-А дети всегда остаются лишь дети.
Не был, не будет с них спрос.

Не собрать воедино мне прошлые звенья.
Ведь жизнь без того не прочная нить.

Так быстро уходят отцов поколенья,
Что их даже с сердцем уже не сложить.

Но это не пьянство - это что-то другое.
Хоть осиновый кол вбейте мне в грудь.
Я не помню уже черты лица дорогого
Но никак не забуду в глазах его грусть.

И нет мне вовеки, - не будет прощенья.
Эта дикая боль тот отцовский порог.
И даже слова не несут утешенья.
Но встречу одну, - обещал еще бог.

Но снова зову из прошлого тени,
Читают они мне с неба стихи.
Что дети всегда остаются лишь дети.
Как продолжение нашей судьбы.

Чистое письмо

Найду гусиное перо.
Пускай оно как время сгнило.
И начертаю, как давно,
На белом грустные чернила.

И старый найденный пергамент,
Ответит нежностью своей.
Он примет почерк, как орнамент,
За вензеля души моей.

С трудом все сложенные рифмы.-
Их запечатаю, как склеп.
Вам не читающие скифы,

Загадкой прошлой шлю привет.

Ах, да еще забыл поскриптум,
Весельем гордым будто пьян.
Он вдруг попросит,словно скрипку.
Мое письмо вложить в футляр.

Когда ж пытливые потомки,
Случайно набредут на клад.
Где не заполненные строчки,
Устало света будут ждать.

Все повторится в этом мире.
И вот уж новое перо
Найдет забытого кумира.
Прославит чистое письмо.

Костер ее рыжих волос

Она подхватила копну,
Руками полными грез.
И замерцал на версту.-
Костер ее рыжих волос.

Искры живого огня.
К небу взлетели гурьбой.
Так ты обожгла меня.-
Своей неземной красотой.

Привет:

И встряхнула судьба, - златокудрой волной,
В мою одинокую пядь.
И я на поклон пошел за тобой,

Только кудри твои расчесать.
Закрою глаза, золотой листопад.
Моим сердцем правит как царь
Ведь я в солнце твое, - с головы до пят,
Как в морской окунулся янтарь.

И что мне теперь другие тона!
На женщин чужих не смотрю.
И стала блондинка мне не мила.
И брюнетка не так хороша.

Сияют мне лишь твои купола,
Сусальным и райским огнем.
И поют в моем сердце-колокола.
В твою честь золотой перезвон.

Где вы, страдания мои...

За эти годы... Все отдам,
Воспоминания лихие.
Вакханки, праздники, пиры.
Где вы страдания мои,
Где мы с тобою молодые.

Там, где пытливый разум мой,
Сокрывшись изредка под сени.
Вдруг грозен становился, как Могол.
Где сердце пело сладостные пени.

Где ты и я – вовсю старались,
Но не вкусив еще побед,
За новое с душою принимались:
Искали, мучались, порою враждовали.
Брели во тьме на вечный свет.

Где плакал я от жажды боя..
Теснилась грудь. Своих врагов.
Их почитал всегда с любовью.
Там , где печаль моих стихов.

Где всем любили существом.
И чувству отдавались беспредельно.
И деву тайным божеством,
Мы нарекли. Пред ней челом,
Склонили головы навечно.

Где та восторженность и пылкость?
И шалость юности святой.
Куда исчезло все, сокрылось?
В какой пучине роковой.

Спи, мой ангел

Спи, мой сладкий, спи, мой ангел.
Руку я возьму твою.
И к челу ее направлю.
И к устам их вознесу.

Кудри черные разглажу.
Но они вослед, баранки.
Разредутся по лужайке.
Словно темные барашки.

И зачем так шаловливо,
Ножку выкинул вперед.
Драгоценно и учтиво.-
Ты души моей восторг.

Ах, какие же зарницы,
На щеках твоих – весна.
Тонкорунные ресницы
Царским золотом горят.

Дар небесный, как же раньше,
Без тебя в тоске мог жить.
Исцеленье ты от раны:
Долгожданный, богоравный.

Нет, не плачу, лишь люблюсь.
Спи же сладко за двоих.
Прочь слеза, ведь ты разбудишь.
Скройся в бездне глаз моих.

Это еще что за всхлипы

Это еще что за всхлипы
В светлый и радостный день.
Все голодные должны быть сыты,
А нищим выдан кошель.

Откупорьте бездонные бочки,
Чтоб все были пьяны.
Чтобы каждый дошедший до точки:
Не знал за собой вины.

Хочу, чтоб веселые песни
Не знали церковных молитв.
Чтобы смерти моей, как невесте,
Понравился легкий мотив.

Созовите не скучных друзей,
Посадите за праздничный стол.
И еще не званных гостей:
Моих лучших и верных врагов.

Поднимите бокал за их силу,
Обязан так многим им я.
Они дар обожгли мой, как глину.
И не дали остыть ни дня.

Но слова, как не нужные речи,
Сольются в пустой некролог.
Пусть не дрогнут уста. Ваши веки -
Слезный не выдавят сок.

Подходите к открытому гробу,
Целуйте без страха в глаза.

Отправляя душу в дорогу,
Не печальте прошу вас лица.

Положите потухшие свечи.
В саркофаг, дюжины три.
Чтобы вечно они как вечер.
Мой мир освещали внутри.

Ну, а если от горя она,
Одна зарыдает из тысяч.
Скажите ей за меня.-
Что и тут обещаю выжить.

Божий я исполняю наказ.-
Следую воле владыки.
Превращаю черный закат. Всего за три дня -
В предрассветные блики.

-И ведь дух его не исчез.
Этот слух пронесется мгновенно.
Как обещал, его гроб опустел.
Он воротился на землю.

Знаю, что сердцем добры

Знаю, что сердцем добры.
И даже где-то беспечны.
Не поднимая своей головы,
Трудитесь целую вечность.

И все же прошу на миг
Поднимите глаза ваши к небу.

Там яркий увидите свет,
Который с любовью согреет.

Уделите крупицу вниманья,
Волю дайте мечтам.
И воздух живой созиданья,
Не позволит вам прежними стать.

Протяните зябкие руки,
Из мрака холодных ночей.
Спасите себя от разлуки.
Найдите друг друга скорей.

Довольно, одна суета,
Застилала душам дорогу.
Спасет этот мир красота.
Как любовь от порога к порогу.

Пусть все не изменится вдруг.
Но не первым читаю слова.
Человек дорогой мой и друг.
Рассчитывай и на меня.

Как солнца хватит нам хлеба,
Но если угаснет оно.
Каждый вырвет сердце из плена.-
Целый мир освятит добром.

И станем тогда мы бессмертны.-
Как чистые наши дела.
Кто хоть раз оторвался от тверди.
Будит светить как звезда.

Привет:

Друг друга любите так.
Заклинаю вас люди.-
Как будто этот закат.
Последний и больше не будет.
Вот скроются эти лучи.
Угаснут они навечно.
И больше не застучит ,
В ночи одинокое сердце.

От гудка ее вздрогнули плечи

От гудка ее вздрогнули плечи,
Заметались, заходили глаза.
-Родная, не плачь, - до встречи.
До скорой простились уста.

Перрон промелькнул за окошком.
Прощайте тысячи лиц.
Только ветер сказал мне с укором.
Разошлись все, - а она все стоит.

Застучали в вагоне колеса.
Но задрожал, захандрил паровоз.
Видно долгой будет дорога,
Коль в глазах ее не было слез.

Солнце сменило звезды.
Словно в вагоне плацкарт.
Ты в тепле, а она вот мерзнет.
В руках держит не хитрый свой скарб.

Сел я завтракать первым,
На скорую руку чем мог.
Как у женщины сдали вдруг нервы,
Проводница всплакнула в платок.

К счастью, веселый попутчик
Попался с которым легко.
Про несчастный поведал он случай.
Когда прыгнул в последний вагон.

Он мне рассказал на вокзале,
Среди праздной и шумной толпы.
Души одной не досчитались,
И я понял, - что была это ты.

И рванул на себя я стоп-кран.
В гармошку сложились вагоны.
Так душу свою потерял,
Оставил ее на перроне.

Агнец с большими вихрами

Это случилось под утро,
В овчарне, где мается скот.
Появился на свет, как чудо:
Лохматый, пушистый герой.

Агнец с большими вихрами.
С веками длинных ресниц,
Всклооченных будто ветрами.
С гримасами тысячи лиц.

Подбежал. Уткнулся ко мне,
Как дитя попросился на руки.
И стали мы с ним на земле:
Неразлучные, лучшие други.

На топчане лежал он клубком,
Теплом согревая ночами.
Мы резвились с ним кувырком.
Прыгали к звездам, летали.

Поверь, никого не виню.
Но от слов, - мое сердце остыло.
Ты агнца готовишь к костру?
Как родного, кровного сына.

Не веря в жестокую притчу,
Прочитал снова старый завет.
И открыл страшную правду,
Которой не знать бы мне век.

Мой крест на груди - с малолетства.
Каждый день молился, поверь.
Но этот закон - людоедство.
Он душу сорвал как с петель.

В праздник святой воскресенья,
Мы платим новую дань.
И тело несем на закланье.
Ведь смерти безжалостна длань.

В одночасье кануло счастье,
Когда он уже не дышал.
Я увидел его на распяты,
И в тело вонзенный кинжал.

С тех пор обхожу каждый дом
На стене, на полу вижу шкуру.
Тотчас ухожу я без слов
И на пасху душой не торгую.

Но однажды приснился мой агнец.
Подбежал, уткнулся ко мне.
Белый, пушистый, как ангел.
Безгрешный один на земле.

Гончар

Он святой окропил водой,
Стустки растресканной пыли.
И капли одна за одной,
Как звезды во мраке застыли.

И зачем он развел эту грязь.
Нашел, право время и место.
И оставил еще на час,
Подниматься, как доброму тесту.

Но пала с век паутина.
Открылся зрячему след.
И понял - что чистая глина,
Только что появилась на свет.

Неотрывно следили глаза,
Как лампы зажженные в вечер.
На неловкие руки творца,
На слабые, хрупкие плечи.

Муки горячего пота,
Как слезы стекали с лица.
То шла, - то не шла вдруг работа.
Ей не была края, конца.

Но словно огонь ниоткуда,
Озаривший мой пламенный сон.
Засиял во мраке, как чудо,
Обожженный руками восход.

Лишь старый ремесленный круг,
Все вращался в пыльном луче.
И скрип еще долго и стук,
Звучал в потрясенной душе.

Паганини

Не касаюсь растроченной жизни.
Маэстро почил черных нот.
Тот, чье имя – всегда Паганини.
Струнных душ не объявленный бог.

Отлита бессмертная маска,
Скован гипсом последний концерт.
Только скрипка: от грифа до лака.
Все не верит, что его больше нет.

И в тризне папский дворец,
Шлет анафему старой Европе.
И гроб... как музыкальный ларец.
Колесит долго еще по дороге.

Эти мощи по миру гоните.

Приют не давайте ни дня.
Да здравствует смерть Паганини.-
Чтоб душа покой не нашла.

Все разорваны медные струны.
Но осталась на свете одна.
Где опять виртуозные руки,
Играют теперь навсегда.

Шарманщик

Он несет на плечах старый ящик,
Древний, как время старик.
Вздыхая, груз он свой тащит.-
Другим не давая взвалить.

С трудом опускает поклажу.
Пыльный снимает чехол.
И шарманку руками погладит:
От высоких нот до басов.

Привет:

Как сказочный, чуткий рассказчик.
Забрел он издалека.
Тот самый из детства шарманщик.
Мотив чей так дорог всегда.
Он крутит рукою шарманку,
Вот уже тысячу лет.
И мелочь летит в его шляпу.
Аплодисментом сердец.

Шарманка звучит для прохожих,
Вечно спешащих людей.

И в солнечный день, непогожий.-
Пусть ритмы ее без затей.

Но только щемит мое сердце,
Когда замолкают меха.
Ужель старику стало плохо.
Или вдруг заболела она?

Сивка-бурка

А счастья в мире нету,
Где только не искал.
Скитался я по свету,
И по нему скакал.

Но вдруг увидел деву,
На черном жеребце.
И не сдержал я пену.
Заржал как не в себе.

И так мне захотелось,
Стать ее конем.
Что я седло примерил,
Лишь с ней ходить вдвоем.

Я нацепил подковы,
Уздечку, стремяна.
Одел на морду шоры,
И съел мешок овса.

Привстал лишь на носочки,
С рождения так мал.
Не дал мне бог росточка,
Во всем другом удал.

Привет:

Я детка Сивка-бурка.
Ты не смотри, что мал.
Влюбленнее придурка
Наш мир еще не знал.
Садись на этот стан.
И не жалей мой круп.
Ни капли не устал.-
Поставь еще на круг.

В любви важна не холка,
Ни стать, ни красота
Выносливость, сноровка,
И чуткие глаза.

Зачем тебе мустанги?
Их сколько не учи.
Не знают они ласки.
Нет нежности в крови.

Я знаю силу слова,
Все для твоих ушей.
Ведь малая подкова.-
Бьет всех тяжелей.

Из черного болота
Вытяну всегда.
Просевшая подвода
Груз лишь для меня.

Ну, что тебе фигура.

Ведь горб мой не скрипит
И если ты не дура,
Пришпорь меня в ночи.

Карлсон и малыш

На крыше домик? Избушка,
Тут кто-то живет не спеша.
Восьмую ест уже плюшку,
На аппетит все ворчит малыша.

Но недолго длится покой.
И эта, как сон, тишина.
-Ты что-то придумал, Карлсон?
-Мне плюшка мешает твоя.

Привет:

Он приедет не на карете.
Не ждите за дверью его.
Человек - самый добрый на свете,
Влетит с улыбкой в окно.
И будут сверкать удивленно,
Как звезды, глаза малыша.
И каждый в них потрясенно,
Увидит, надеюсь, себя.

Хайса хопса, - он скажет: Малыш.
Хайса хопса, дорогой, Карлсон.
Отчего ты снова грустишь?
Не слышу в голосе радости.

Неужели опять Fräulein Bock.
Найду на нее я управу.
Зададим мы ей трепку, урок,
Привиденьем смешным напугаем.

Все проказы его не со зла,

А ручки, как детский конструктор.
Все ломают, взорвут без следа,
И что-то где-то раскрутят.

Он в самом расцвете всех лет.
Только слышу порой как всегда:
-И когда все успели вы съесть?
Так не поступают друзья.

Но ведь мы еще даже не ели.
-Правда, уже хорошо.
Этот торт, плюшки, тефтели – на благородные цели
Я забираю с собой.

И скажет опять: хайса хопса.
Карлсон помашет рукой.
Подмигнет Малышу: не бойся.
Завтра я прилечу за тобой.

Никогда не пойму этих женщин

Никогда не пойму этих женщин:
Их думы всегда о любви.
Сколько ран и сердечных трещин
Хранят они на груди.

А одна, - с виду простушка,
Но глазами, как все небеса.
Вручила ключи мне послушно,
Сказала: живи, - и ушла.

В квартире зажег ее свет,
Огляделся по сторонам.

И устроившись на ночлег,
Вдруг беспокоиться стал.

Как же она в темноте,
Во мраке таинственной ночи.
И любовь засияла во мне
Взглядом ее одиноким.

Возвратился только к утру,
За ночь прошел все дороги.
И увидел ее я в углу,
Под лестницей, на смерть продрогшей.

Дам вам житейский совет,
Если мудрости хватит заблудшей:
Пока дубликата нет,
Дверь - не закрывайте вы лучше.

Ты самая лучшая

Красивых женщин на земле,
Наверно и много.
Но для меня живет в душе
Одна всего и только.

Смотрю лишь на ее уста.
И времени мне мало.
Ведь с ней одной мои года
Цветут весенним садом.

Припев:

И душа заблудшая
Откроется тебе одной.

Что ты самая лучшая, лучшая .
Нет другой.
А судьба беспутная,
Постучится в ночь.
Мне откроет мудрая, добрая.
Не прогонит прочь.

Так робко ей шепчу слова:
Ты сердцу отрада.
Оно от горя сгорит дотла,
Если не будешь мне рада.

Только ты мне в ночи звезда,
Ладья у причала.
Ведь ты нашу любовь всегда
Не боялась начать сначала.

Что такое, не спрашивай, счастье

Что такое, не спрашивай, счастье.
Оно для меня – это ты.
Никогда ко мне безучастной,
Ангел мой, - ты не был.

Для меня все безжизненны дали,
И бессмысленны в мире пути.
Если б глаза тебя не искали,
Если б тронуть не смели руки.

Привет:

И мне с тобой тишина,
Стала б музыкой наших сердец.
Мрак ночной, темнота,

Превратились б в сверкающий свет.

И самая жесткая твердь
Обратилась во все облака.
И смерти страшная тень
Радугой вдруг расцвела.

Ты всегда, как далекое эхо,
Отзывалось на пламенный крик.
Словно весточка чуткого света,
Последний спасала мой миг.

Не страшны мне теперь все знаменья
Как прежде жестокой судьбы.
Ведь ты у меня, как спасенье,
От самой близкой беды.

Падают мне лепестки

Пески все кругом, да пески.
Так картина для сердца уныла.
Но падают мне лепестки
Манной небесной в пустыню.

Это заброшенный сад
Шлет мне прежнюю весть
Может пора и назад:
Закончи скитаний повесть.

ПРИПЕВ

Падают мне лепестки,
Словно далекий снег.
Не надо, уже не ищи,
То чего в жизни нет.
Только скорей поспеши.

Так короток век.
Ведь розы твоей души
Не отцвели,- еще нет.

Они, как из прошлого письма,
Летят для меня в эту даль.
Кто-то на встречу их выслал.
Только раньше я их не читал.

Лепестки целый ковер
Выстлали к дому дорогу.
Словно воздушный эскорт
Навсегда привели к порогу.

Старая дева

Врач мой прослушал сердце,
И тут же развел руками.
-Вы живете, а оно не стучит.
Но так на земле не бывает.

Неизвестный в науке случай.
Это какой-то подвох.
Вдохните еще получше.
Здесь точно что-то не то.

Дама, старая дева.

Возраст - бальзаковских лет.
Орган - не определяет свой слева.
Как будто его и нет.

Врач покачал головой,
И снова развел руками.
Если любовь найдет,
Надолго ее не хватит.

Кто ждет долго весны,
Тянется к свету.
И жгучая боль и шумы
Равнодушьем пришли на смену.

Но факт остается фактом.
Кто сердце не бережет,
Тот кончает всегда инфарктом.
Ведь сердце не тысяча солнц.

-Благодарю тебя, боже,
За щедрость и милость твою.
Ты позволил познать мне тоже
Любовь через боль свою.

Врач мой прослушал сердце,
И снова развел руками:
– Вы не живете, а оно стучит,
Но так на земле не бывает!..

Как корабли падают листья на воду

Дни стали короче, а ночи длинней.
Звенья опять поменялись по кругу.
С кликом печальным клин журавлей

С тоской потянулся к жаркому югу.

Все реже на небе светлая проседь.
Серым ненастьем скрыт небосвод.
Может и мне бросить промозглую осень.
И с челобитной к лету пойти на поклон.

Привет:

Как корабли падают листья на воду.
Пристань теперь их до боли ясна.
Как ледоколы плывут они к черствому морю:
К снежному морю под названьем зима.

Как корабли падают листья на воду.
Ветер несет их на всех парусах.
Примкну я один к их печальному строю,
Даже когда, плывут они не туда.

Снова неожиданно она наступила,
Шатром увяданья покрылись поля.
Только в осени есть непонятная сила.
Ее красота так сердцу близка.

И опять поплывет золотая эскадра
Под бой барабанный, монотонных дождей.
Растворятся они как все очертания праха,
Чтоб новую жизнь подарить на земле.

Ходил за девчонкой тенью

Ходил за девчонкой тенью,
Можно сказать по пятам.
Попадал под ее настроенье,
А чаще совсем пропадал.

И сам не живой от смущенья,
В муках сгорая стыда.
Может я, проведу до подъезда,
До твоего окна.

Был наш разговор без точек,
И даже без всех запятых.
«Так к дому дорога короче.»
Значит эта, ответил, длинней.

И пошли мы с ней, между прочим,
Прижавшись рука в руке.
Не по той, что была всех короче.
По долгой из всех на земле.

Но радость сменилась мукой.
Придет всем дорогам конец.
Я готов с ней шагать по кругу,
По необъятному кругу сердец.

Стало щекам горячо

Стало щекам горячо.
Это все от ненастья.
Слезы, как в решето
Безвозвратного канули счастья.

На осколки разбилась душа,
Когда, ни сказав ни полслова,
Как случайный прохожий, ушла,
Не обернувшись ни разу с порога.

Ты не открыла мне сердце,

Но тайну читал по устам.
Что наша любовь невечна,
Не откроется больше «Сезам».

Это сказка прошла, как сон.
Как по водной глади круги.
Ты ушла, как этот восход,
Не подав на прощанье руки.

Сегодня хочу, мужчина, быть с вами

Сегодня хочу, мужчина, быть с вами
В эту холодную ночь до утра.
Чтобы вы от себя самого не устали.
В благородстве расстроченной, – капле добра.

Я умею любить так нежно и страстно.
Так вольнодумно и даже свежо.
Только б эти часы не прошли безвозвратно.
Слышите: сердце стучит горячо.

Не надо улыбок, не надо насмешек.
Это судьба нас друг к другу вела.
Вам все попадались никудышные пешки.
Королева стоит перед вами одна.

Без слуг кавалькады, без всевидящей стражи.
Весь придворный вертеп – для меня это склеп.
И король ничего теперь и не скажет,
Он глуп оказался и слеп.

Какой кавалер вы, робкий, ранимый
И вы без любви не можете – нет.

Ах, если б я тоже могла, мужчина, мой милый.
Видно вам на роду страдать как и мне.

И все же я - всегда королева,
Приказ отдаю в исполненье мечты.
Поцелуйте меня, на прощанье так смело.
Чтоб мне показалось, что мы были близки.

Бывший холостяк

Что это, братцы,
Случилось со мной.
Закрою глаза,
А вижу ее.

Она между прочим
Ну да – хороша.
Не так чтобы очень:
Перезрела слегка.

Куда же ты, сердце?
Родное, постой.
Ты и в правду забыло,
Что я холостой.

Но с ней заодно
Бьешься ты в такт.
Нет, ни за что.
Тем более в Загс.

Раньше, как тень,
Ходила за мной.
А теперь убегает.

Как будто чумной.

Папа и мама,
Дочь вразумите.
Ведь жених это манна,
Когда он в зените.

Прошла наша свадьба
Пьяной гульбой.
Теперь я хожу
С рассеченной губой.

Нет ни с того,
Она видно десятка.
Удар у нее,
Как в боксе перчатка.

Смыла наколки,
На теле вещдоки.
Так в пытках исчезли
Две голые тетки.

Но мало, глумится,
Соль сыпит на раны.
И я улетаю,
До чувства нирваны.

Видно не то
Что-то, братцы, я съел.
Обедайте смело.
У нас яд на десерт.

Навела она порчу,

Скверну, заразу.
Не прекословлю.
Сижу, как в засаде.

Поставлен на счетчик
Судьбой на беду.
Теперь из пощечин
Не выхожу.

-Девонька, рыбка.
Я даже всплакнул.
Ну, надо же выбрал
Одну из акул.

Тону, как кораблик,
Даю пузыри.
Все это глаза-
Мои упыри.

На сердце слеза,
Мужика доканала.
Закрою глаза.-
Там теща – подарок.

Объявление. Срочно,
Кто б выколочил глаз.
Все приданое, точно,
Вручу словно клад.

Живу от звонка до звонка

Живу от звонка до звонка,
От привета и до привета.
Живет ведь моя судьба,
На том краю дальнего света.

Дрожит что-то в груди,
Когда поднимаю трубку.
А сердце кричит: отпусти
К ней, хоть на минутку.

Не снимает никто телефон,
И мысли, как черные тени.
Но услышу твое: Алло.
Пронесутся они и исчезнут.

Здравствуй. Как, родная, дела?
Рад тебя слышать, как прежде.
Как твой? Как семья?
И в мире какие вести?

Мы больше молчим в пустоту,
Роняем в эфир только слезы.
И падают мне в глубину
Обрывки фраз, приветы знакомых.

Оборвется, умрет тишина
От прощального этого гласа.
Ты скажешь негромко: Пока.
И что-то в ночи погаснет.

Постой же, - кричу, - подожди.
Ведь главного так не сказал.
И ответят мне только гудки
Эхом во всех проводах.

Но там в бесконечности,
Где со светом сольется мрак
Все же встретятся два одиночества
На телефонных и млечных путях.

Я живу в панельном доме

Я живу в панельном доме,
На площадке сто квартир.
Кто-то здесь все время в ссоре,
Раздается шум и крик.

Надо мной все кто-то ходит
Словно узник замка Иф.
Он тропиночку проторит:
В психдиспансер или в Склиф.

Соседи справа, эти слева.
Потерял покой и сон.
Там музыкант играет соло:
Чтобы нот ты не нашел.

Один живу, как прокаженный,
Валерьянку пью, как сок.
За стеной молодожены:
Чтоб диван ваш весь рассох.

Лифт грохочет, словно поезд:
Вот шестой перрон, вот пятый.
Часовой сменить здесь пояс
Так легко, когда он встанет.

И не скрыть секрет и тайну,
Под подушкой шепчет муж.
Код ячейки в нашем банке.
Он несет такую чушь.

Эй, с тринадцатой квартиры.
Заучи, мужик, ты враз.

Семь, пятнадцать, ка – четыре.
Сколько можно повторять.

Двери хлопают так гулко,
Что я стены сам держу.
Кто-то вышел на прогулку,
Чтоб ходил ты по стеклу.

Попадись мне архитектор.
Провалился б этот дом.
Я бы твой портрет об стенку -
Сделал б сочный натюрморт.

Но отправлен был по делу
На полгода в глухомань.
Вдруг музыканта я, соседа,
Стал с любовью вспоминать.

Где же вы, молодожены,
Лишь под скрип могу уснуть.
Сон никто мой не тревожит.
Глаз своих мне не сомкнуть.

Эй, с тринадцатой квартиры.
Лучше код бы свой забыли -
Деньги снял я, как учили:
Семь, пятнадцать, ка – четыре.

Все потрачено на праздник
До последнего рубля
Не бурчите,- все поправим.
Каждый скинется с утра.

Я от счастья хлопнул дверью,
Как приехал прыгнул в лифт.
Кто живут со мной в панельном.
Только те умеют жить.

Ты на Мальдивы – я на Полюс

Билет возьми, куда ты хочешь,
Но с условием одним:
Ты на Мальдивы, я – на Полюс,
Лишь бы нам не быть вдвоем.

Я найду свой вещмешок.
Ну, какие чемоданы.
Я пойду туда пешком,
Где меня ты не достанешь.

Не нужны валюта, чеки,
И ни карточки экспресс.
Ты летишь в пустыню, в Мекку?
Значит мне дорога в лес.

Ты хотела на Сейшелы,
Там любой турист награда
Купишь шубу из шиншилы,
Мне отрез для маскхалата.

Соберу твой саквояж,
Необычно встану рано:
Лишь бы наш с тобой вояж
Протекал в соседних странах.

Говорил же я тебе:
География наука.
Отправляйся на Тибет.
Там найдешь себе ты друга.

Если ты на материк,
Значит мне лишь к океану.
Так устал от всех интриг,
Пусть хоть амфибией там стану.

Хочешь в Ниццу, в Монте-Карло,
Выбирай любую часть.
Глаз положишь на экватор?!
Я не стану возражать.

Говорит она мне: «Милый»,
Голос весь дрожал от ветра.
С грустью я лечу в свой Рио.
Ты – в далекий де Жанейро.

Но не верю просто в чувство.
Все хитрость женская и месть.
Я лечу в далекий Буда;
А ты в какой-то, странный Пешт.

Куртизанка она и больше ни слова

Как с цепи, сорвались вы словно.
Не кляните судьбу за ее ремесло.
Куртизанка она и... больше ни слова.
От взгляда ее как ночью светло.

Словно девчонка порхает на шаре,

Только взгляните в эти черты.
Не продает она чувства, а дарит.
По цене минеральной французской воды.

Стучат каблучки, как печальное сердце.
Вот и оно замолчало в пути.
Навстречу выходит она каждый вечер
Своей настоящей, последней любви.

А клиенты гурьбой все ходят и ходят.
Погодите: придет и до вас мой черед.
Я вырву один ваши грешные ноги.
И еще, и еще... кое-что.

Не говорит она по-французски.
Ее диалект понять нелегко.
Любит всегда бесшабашно – по-русски.
Она не чета – даме Клико.

А, ну его – ремесло твое к праху.
Разве такой должна быть счастливая жизнь.
И пойдем мы с тобой, куртизанка, на плаху
Под жесты и взгляды мирских прихожан.

Ах, твоя лесбийская душа

Она была женой и лесбиянкой.
Мне до конца не ощутить весь смысл.
Как будто на постели с иностранкой
Вдруг оказался и как дальше жить.

Я был всегда по жизни толстокож,
Не выбросить так просто из седла.

Но то, что ты сейчас мне говоришь –
Уж лучше ты наставила рога.

Принев:

Ах, твоя лесбийская душа,
Ей прятаться теперь совсем не гоже.
Ты мне сказала, что она одна
Всей братии мужской тебе дороже.
Пойду и запишусь я тоже в геи.
Для нежности открою свой пароль.
Ведь все для бога – мы лишь человеки.
Кто с кем здесь – не играет больше роль.

Слова мои живут и умирают.
Но их немой ты не услышишь сказ.
А, может, ты любовника скрываешь.
Где прячешь ты его? Наверно, в шкаф?

Все изменяют в мире по-простому.
Для баб на свете есть же мужики.
Я сходу натуралов всех прощаю:
Одной тебе они лишь не нужны.

Но в груди не чувствую я ревность.
Это ярость гложет от обид.
Ведь мы прожили в браке с тобой вечность,
А тайну узнаю я от чужих.

Но, коль ты любишь – так тому и быть.
Избранницу приму я, как сестру.
И свечи в канделябре сам зажгу.
И вам обеим в зале постелю.

Твоя любовь опять раба

Твоя любовь – опять раба,
Приму ее как неизбежность.
Так беззастенчиво глупа.
Она под сердцем носит нежность.

Встань прошу, скорей с колен.
Забудь на день молитву – «Отче».
И звонких надавай ты мне взамен
Хоть дюжину затрещин и пощечин.

Не смей меня, как прежде, обнимать:
Взглядом робким этой дикой серны.
В глазах твоих хочу я видеть страсть:
Похотливой и бесстыжей стервы.

Хватит быть тебе одной из дур,
Тех, что прячут тело за мехами.
Хочу, чтоб лился из тебя гламур,
Самыми порочными словами.

Легко пройдишь, фривольно от бедра.
Как ходят только куртизанки,
Которые торгуются всегда:
За все доступные, но дорогие ласки.

Распусти до плеч свою косу:
На шелковые и прямые пряди.
Я сам завить их так хочу.
И взбить копну усталыми руками

Смени свою монашескую масть:

Раба твоя порядком надоела.
Хочу к твоим коленям пасть,
Чтоб больше не подняться нам с постели.

Профессиональный бокс

В сборную, зачем-то, все же взяли,
Так, скорей, для круглого числа.
Всерьез меня уже не принимали,
Давно рукой махнули сгоряча.

Думал, что опять летим на сборы,
Но оказалось – на чемпионат
И тут пошли в команде ссоры.
Кто первым выйдет? Кто будет начинать?

Тихо я всегда сидел у ринга.
Перчаток так ни разу не надел.
Все говорили: «Не тревожьте Сфинкса,
Он и сегодня будет не у дел.»

Наш первый номер был рубаха-парень,
Сорок восемь выигранных боев.
Он в стойке гарцевал – как Путин на татаме.
Собрал он цепь из выбитых зубов.

Он выбивал одним ударом челюсть,
А серией крушил все черепа.
Его в команде точно все боялись,
И тренер не перечил никогда.

Порхал всегда как легкий мотылек,
А жалил как гремучая змея.

Тут призовые - целый кошелек,
Зеленого, бескрайнего бабла.

Такие мышцы, мускулы и пресс,
И ноги, как гранитная скала.
Но парень с ринга вдруг пропал, исчез,
Когда лишь тень прошла из-за угла.

Тут тренер заметался, как в запале.
И на меня со страха указал.
За честь страны, ведь не сидят в запасе.
Драться будешь ты, – он мне сказал.

Как это, со школы юниоров,
Как смертника бросаете вы в бой.
Да тут и трех мне мало будет – „скорых“
И гений-врач меня не соберет.

Он меня порвет, как тузик грелку.
Я с гориллой драться не привык.
Это все равно, что драться с стенкой.-
Меня один такой уже пришиб.

Бедняга-тренер встал тут на колени.
Раунд продержись, один, другой.
До пенсии осталось две недели.
Ближний навяжи ему ты бой.

И все же кто-то выбросил на ринг:
Тренер, еще двое помогали.
Да я плевал на все пари,
И грош бы на себя здесь не поставил.

Дал же бог такие кулаки,
А чувства милосердия ни грамма.
Сказал ему я – просто подожди.
Только без нокаута – здесь дамы

Я не успел сказать ему и слова.
Он с кулаками бросился под крик.
И что тебе я сделал вдруг плохого,
Что ты меня всего разворотил.

В третий раз уже прощаюсь с мамой:
Не жди ты сына больше никогда.
Зачем я выбрал бокс? – Мне шахмат было мало,
Такая честная, спокойная игра.

А он стучит по дереву, как дятел,
И трудится за призовой весь фонд.
До денег он как черт, наверно, жаден,
Чтоб ты до них ногами не дошел.

Тренер - Ирод, брось же полотенце,
Ей богу, больше не могу.
На ринге избивают здесь младенца.
Я после боя с тобой поговорю.

И так мне надоела эта морда.
Девять раундов и в теле девять пуль.
Неужто я из той породы, сорта.
Из которой выбивают дурь.

Не знаю, что тут приключилось,
Видно он наткнулся на кулак.
Ударил, как братва всегда учила:
Прямым ударом в челюсть и добавил в пах.

Мне пояс нацепили, бляху.
Но погодите, не окончен бой.
Мне надо тренера найти, и всю его команду
Всех тех, кто не учтив был так со мной .

Брачное агенство для мам и пап

С мамой мы живем вдвоем,
Пусть не полная семья.
Нам всегда так хорошо.
За мужчину в доме – я.

Мою сам уже тарелки.
Восемь лет, уже большой.
И отличные отметки,
Приношу домой, порой.

Только мама ходит грустно,
Так рассеянна она.
Маму выдать замуж нужно, -
Сказала девочка одна.

И с подружкой моей, честно,
Каждый внес свой капитал.
Открыли брачное агенство:
Для таких вот пап и мам.

У нее, отец – электрик.
Выход сразу я нашел.
Мы обесточили на вечер,
Стоквартирный новый дом.

И два месяца уже,
Ходит к нам он, как лунатик.
А еще ведь инженер:
Мою схему не контачит.

Все теперь так хорошо.
У нас полная семья.
Мама, папа и сестра.
И конечно же и я.

Мы загружены работой,
Трудимся без выходных.
Пап и мам всех незнакомых,
Превращаем, как в родных.

Мы сварганили потоп.
Мы побили всю посуду.
Мы устроили дефолт.
Для банкира взяли ссуду.

И стекольщик, и электрик,
И заслуженный банкир.
И еще водопроводчик.
Сделали рекламу в СМИ.

И теперь к нам каждый третий,
Обращается без сил.
Помогите счастье встретить:
Я устал так быть один.

Мы расширили агенство.
Открыли новый филиал.

Ведь какое это детство,
Без счастливых мам и пап.

Бенгальский огонь

Любить, говоришь, так просто.
Это - как дважды два.
Бросишь нежное слово,
И женщина вся твоя.

Еще три комплимента.
Долгий, пронзительный взгляд.
И темперамент, вроде экспромта.
Будет жаром бенгальским пылать.

Привет:

Бенгальские огни.
Любовь, как фейерверк
Яркие они,
Но быстро гаснет свет.
Как брызги – серпантин,
Разбросанный в ночи.
Ты худшим из мужчин.
Был в моей любви.

Но не закончил игры;
И в этот раз, как всегда,
Ты гаснешь опять посреди,
Когда я еще холодна.

Уж лучше останусь навечно
В мире одна.
Ведь бенгальский огонь не греет,

Не зажигает меня.

Ах, этот голос Мельпомены

Ах, этот голос Мельпомены,
Звучал так сладко и легко.
Он мне вещал одни победы.
Из лавра вечного венок.

И все серебряные трубы,
Играли только этот марш.
Актрисой станешь самой лучшей.
Пробил сейчас твой звездный час.

Я заучила свою роль.
Но микрофон как злобный гений.
И стал мой голос не похож,
Судьбой закованный в доспехи.

И тут очнувшись я от грез
Провала горечь испытала.
Когда пощечины всех слов
В лицо летели мне из зала.

Я как девчонка разрыдалась,
Но Мельпомена из кулис.
Сказала: «Все начни сначала.
Ведь ты от бога из актрис».

Есть голоса на свете звонче.
И даже в сотню раз сильней.
Но ты поешь, - все это тоньше.
Как эликсир он для людей.

И зал молчал, молчали трубы.
И оборвался сладкий марш.
И тишина разбила руки
Орфея голос узнав.

Вот только голос Мельпомены,
Мне прошептал и тут затих.
Ведь только в боли поражений,
Восходят звезды на Олимп.

Возьми меня на abordаж

Возьми меня на abordаж.
Я подошла на ближний выстрел:
И трюм и снасти, такелаж,
На белых мачтах гордый вымпел.

О, мой отчаянный пират,
Я приготовилась к осаде.
Алмаз не меньше в сто карат,
Тоскует ночью без оправы.

Нас занесло бортом на борт,
И покачнулись в море судьбы.
Я выбираю твой эскорт.
И пусть любовь сраженье судит.

Но не сдаю твердынь без боя.
Дарю тебе последний шанс.
Открыто все здесь для героя,
Но продержусь еще хоть час.

Теперь наверное в плену,

Мне до любви еще три шага.
Сейчас в объятия упаду.
Ведь так нежна твоя осада.

Теперь дрейфуем мы давно,
Так хорошо быть женским призом.
Пират берет меня в кольцо.
Я принимаю снова вызов.

Здесь, словно ворон на крыше

Здесь, словно ворон на крыше,
Попал я в небесный капкан.
Бросил скверное, голосу свыше
Возроптал, почему все не так?

Обернулись ползучие гады.
Вдруг встали они на крыло.
Все заслуги былые, награды,
Добро обратили во зло.

И такая пошла чехарда.
Зачах без причины мой взор,
Ударилась правда в бега.
И честь обратили в позор.

Одели на душу колодки.
И жизнь, как каторжный срок.
Кто снимет однажды колоду,
Не выплатит карточный долг.

Утратила паства молитву.
Незыблемость строгих постов.
И пошла побираться по миру,
Проклиная мудрость отцов.

Распяты муками, нервы
Вопрошают ответ на вопрос.
И когда все чистые девы,
Распустили косы волос.

Этот мир поделенный на касты,

Не был, не станет моим.
Все нищие духом несчастны,
Блеск богатств их ослепил.

И зачем здесь сусальные стены,
Ведь фундамент стоит на костях.
Все деяния смертных без веры.
Как в доме потухший очаг.

Здесь, словно ворон на крыше,
Попал я в небесный капкан.
Бросил скверное, голосу свыше
Возроптал: почему все не так.

Сколько дней тебе нужно для счастья

Сколько дней тебе нужно для счастья,
Когда спросит однажды любовь.
Лишь один:

В котором позволишь остаться,
Который всю жизнь озарит.

Сколько ночей тебе нужно для счастья.
Какую заплатишь цену.
Лишь одну:

Где звезды твои покорятся,
Где ты мне ответишь: люблю.

Сколько богатств тебе нужно для счастья.
Крикнет в гневе, она сгоряча.
Только:

Любимой на платье,
На тонкий овал кольца.

Сколько вина тебе нужно для счастья.
Полных кубков, бездонных чаш.
А вот здесь не буду считаться:
Лишь без меры тобой насыщаться,
Все амфоры тонких чар.

Сколько ума тебе нужно для счастья,
Сколько мудрых и жарких речей.
Лишь молитву одну:
Чтобы от мысли не помешаться.
Что ты жизни стала дороже моей.

Пишу всем партитуры

Пишу всем партитуры первых партий,
И роли раздаю от всей души.
Ведь я, как не крути, – пожалуй, мастер
Веселых анекдотов и пари.

Простите мне мою доселе слабость:
Скрывал природу творческих богатств.
Черпал из женщин я стихами радость.
Вкусал без меры сладкой рифмой яств.

Привет:

Я должен знать: у нас с ней что-то будет,
От этих слов впадаю в легкий транс.
И пусть святые все меня осудят.
Страдать душой - мой верный шанс.
Забьет воображение тревогу,
И бросит наши души на постель.

Такую одалиску бы и богу.
Но проводил его я до дверей.

Опять беру перо, бумагу.
Рисую снова прелести твои.
Всю нежность, нерасстраченную сразу,
Бросаю в пламя грусти и тоски.

Даю тебе из сердца клятву.
И пусть случилось это не со мной.
Как в наваждение не веришь в эту правду.
Что из того, пускай тебя любил другой.

Привет:

Я должен знать у нас с ней что-то было.
Как в зеркало смотрю в ее глаза.
Пусть чувство страсти там остыло,
Но тень моя еще на образах.

И все теперь мы знаем друг про друга
И кажется меж нами нету тайн.
Но верю я - вернется все на круги
И Музой станешь ты моей он-лайн.

Моя страсть, как табун лошадей

Моя страсть, как табун лошадей.
Я гоню их к твоей переправе.
Эти дикие дети степей
Тоски и томлений не знали.

Их гривы шумят, как девственный лес,
Поднимают хвосты, словно трубы.
Из крови и плоти жгучий замес:

Манеры, желания грубы.

Довольно вам с жиру пасться,
Не познав эту жгучую снесь.
Этот табун еще можно спасти:
Пора от любви запотеть.

То галопом несутся, то вскачь
Их ноздри, как галерные весла.
Их вовеки веков не запрячь
К небу встали – оголенные чресла.

День и ночь без пищи и сна.
Они рвутся к последнему краю.
Их ждет на заре лишь одна.
И кто первым придет – не знаю.

Слышит она топот черных копыт,
И вздымает грудь высоко.
Топит в слезах нежный свой стыд,
Кровь в жилах течет горячо.

Глаза моей страсти, как красный закат,
И брошены к небу подковы.
И тот, кто не мертв – будет распят
Зовом дикой природы.

Там смятые травы, как сваленный лес.
Бездыханная сила на ложе.
Табун моей страсти в объятьях исчез,
Чтобы завтра тебя потревожить.

Все вернется на круги своя

Все вернется на круги своя,
Обретет свой законченный смысл.
Только ты не будешь моя.
И значит - мне больше не жить.

И боль от такой пустоты,
Заполнит весь страждущий свет
И голос сорвется: Где ты?
Почему же тебя рядом нет.

Зачем мне безрадостный век.
Оставьте последние дни.
Единственный мой человек,
Не уходи. Подожди.

Замри на мгновенье, судьба.
Я понял только сейчас.
Что любовь – это борьба.
Это меч, но не свеча.

Пусть померкнут мои идеалы,
Изменю недостойным богам.
И за что мы с тобой пострадали:
Я в золу обратился. Ты – в прах.

Все вернется на круги своя,
Обретет свой законченный смысл.
Только ты не будешь моя.
И значит мне больше не жить.

Придет новогодняя сказка

Она, как нежная ласка,
Как детский, призрачный сон.
Придет новогодняя сказка
В каждый рождественский дом.

Хвойный запах зимнего утра,
Растворится по сонным углам.
И все затаится для чуда.
Уже слышу его по шагам.

Как жемчуга с нашей ели,
Будет таять иней с ветвей.
Мы ее еще не одели
В цветные гирлянды свечей.

Исполнятся в ночь все желанья. —
Не запирайте дверей...
И снова спасет мирозданье
Ребенок из сказки моей.

Как быстро проходят дни

Как быстро проходят дни.
Между нами несметные толпы.
Когда же мы будем одни?
Все звуки мирские смолкнут.

И радость нежданная встречи,
Перейдет от печали на крик:
Оставьте ненужные речи.
Ведь я душу ее не постиг.

Там тенью блуждая по краю,
Как луч из мрака на свет,
Я вечность уже ожидаю.
И до скончания лет.

И как же им всем невдомек -
Здесь пылает остывшее чувство.
Я так без нее одинок.
Все в мире постыло и пусто.

Как сторож небесный, Парнас,
Хранитель сердечного стука.
Но глаза объяснились за нас,
Прикоснулись нежно друг к другу.

Как быстро проходят дни.
Между нами несметные толпы.
Когда же мы будем одни.
Все звуки мирские смолкнут.

Я думал, Родина - звук

Я думал, Родина - звук,
Ветхий, затравленный голос.
Но лишь здесь берегу ее стук.
Не бросаю из рук моих посох.

Все, казалось, достигнуты цели.
Документы в порядке в ОВиРе.
Только злые слова задели -
Держи там карман свой шире.

Тот, кто крикнул, видать, видел много,
Он понял нехитрую суть.
Что без родного слова
На чужбине тебе не уснуть.

Вернешься, хлебнув не солоно.
И куда бежишь от людей.
Никогда никому там не голодно,
Но не найдешь русских щей.

Повсюду одни равиолли
И пиво льется рекой.
Там все ходят на воле.
И не слышал никто про запой.

Глядел не в бровь он, а в глаз.
По природе, видно, был ушлым.
Но сбылось все именно так –
Воздух там оказался мне душным.

Но не учат чужие ошибки,

Наплевал на опыт других.
На грабли ступил по привычке:
Десять лет на чужбине прожил.

Только там, кто ругался получше,
Без акцента, как божий наказ.
Узнавал я по говору русских.
Где каждое слово - приказ.

А бывало так, что и пуще.
Кто ругнется по матерной фене.
Видел классика в нем - ай, да Пушкин.
Или племянник - Евгений Онегин.

Погасил за границей окошко,
Отдал консьержке ключи,
Собрал все пожитки в лукошко -
Теперь дома меня и ищи.

И этот последний случай
Отвел меня кто-то от касс.
Вы не похожи на русских.
Случайно вы не казах.

Это я-то не русский.
Если бы, дядя, ты знал.
Я грузин белорусский
И украинский молдован.

Я узбекский латыш,
И таджикский еврей.
Что ты тычешь мне: шиш.
Не признаешь за людей.

Ты мне кузькину мать.
И с улыбкой в устах...
Лишь на Родине, братцы, есть благодать
Душу излить на одних кулаках.

Упал туман, как белый свет

Упал туман, как белый свет
В мою постылую постель.
Не растопить весь этот снег,
Мне без тебя. Поверь.
И даже первые лучи,
Что упадут с ветвей.
Не оживят моей свечи,
Всех восковых теней.

Здесь тишиной воспоминаний,
Как отлетевшая душа,
Парят тела земных страданий,
Спеша то в ад, то в небеса.
Какая все же это мука:
Так безответно ждать тебя.
И раствориться вслух для стука.
Судьба моя - твой поворот ключа.

Я паду пред тобой на колени...

Я паду пред тобой на колени...
Только нимб этих ласковых рук
Простит мне годы измены,
Все столетия горьких разлук.

И опять, как божье знаменье,
Пронзит все живое вокруг.
И как кара, благословенье,
Упадет нечаянно с губ.

Не пускай меня больше в изгнанье.

Не сдержать пошатнувшийся крест.
Только ты - мое счастье, страданье -
Я искал тебя тысячу лет.

И будет конец всем скитаньям.
Ведь муки мои за грехи.
Оставь за собой все желанья.
Лишь в дорогу опять не пусти.

Я не верил в такую любовь

Я не верил в такую любовь.
Да простят мне святые боги.
Мертвых не воскресить из гробов,
Из обители тлеющей плоти.

Любовь, словно водная зыбь.
Унесут нас подземные реки.
Пора тени былые забыть,
Примириться с утратой навеки.

Только ты за мой упокой
Не поставила черные свечи.
Неправда, что мертв - он живой,
Потому что в душе моей вечен.

Ты нашла мой безжизненный дух,
Что как странник томился в пещере.
Ты знала, что он не потух.
В светлый мир отворила мне двери.

Милосердной сестрой у кровати,
Я видел тебя - пусть в бреду.

Как плакала ты и смеялась не кстати.
Я смерть от тебя отведу.

Я слышал молитвы: Господь,
Не нужны мне другие награды.
Позволь рядом мою любовь,
С твоей положить на раны.

Та дала мне чашу испить,
Лишь дрожали от чуда ладони.
Без тебя мне тоже не жить.
Милый, пожалуйста, помни...

Я верю в такую любовь.-
За нее и жизни не жаль.
За кроткий твой дух – мою алую кровь.
Всю до капли отдать пожелал.

Он, как гора Везувий

Он, как гора Везувий ,
Жар и пыл.
Шмалит сигареты сквозь зубы,
Пускает дым.

Слетают с губ его кольца,
Как облака.
Они все поднимаются к солнцу
Наверняка.

В движении каждом сноровка,
Все неспроста.
На всю грудь татуировка:

«Я – человек-гора!»

Он откинулся с зоны,
Со шконки, с нар.
Сидит не меняет позы –
Спускает пар.

Гуляет неделю,
С ним и не спорь.
Ему скоро на дело.
Ведь он же – вор.

В груди его тесно,
Там пепел лет.
Везувий гора, как известно,
Не Эверест.

Только удача, -фартовая фомка.
Ну, кто же знал.
Эта сявка , ничтожная сошка.
Устроит скандал.

Но пастухи и волки,
И пауки.
Не учли наколки.
На его груди.

Тут завертелось такое:
Не патруль, не наряд -
Брал ОМОН его с боем,
Целый отряд.

Ну, что ему пули,
Ручной пулемет
БТР подтянули.-
И снаряд не берет.

Как медведь из берлоги,
В атаку он шел.
Ну, куда же вы, бандерлоги, -
На посошок.

Тут собрались зеваки.-
Весь черный люд.
В неравной драке
Его точно убьют.

Встали все, как гора,
В единый порыв.
Нам бы такого да смельчака.-
Уж мы то с ним.

Быстро состряпали дело.-
Вот и суд.
Приговор зачитали за смелость,
И за труд.

Ну, а он, как гора Везувий,
И тут полон сил.
Шмалит сигареты сквозь зубы,
Пускает дым.

Слетают с губ его кольца,
Как облака.
Под магаданским солнцем.-

Наверняка.

В движении каждом сноровка.
Все не проста.
На всю грудь татуировка.-
«Я– человек гора.»

В лабиринтах лунного света

В лабиринтах лунного света
Ты спустилась ко мне, как звезда.
В поцелуях твоих безответных,
Как жемчуг, сверкала слеза.

Пробудившись от легкого сна,
Целовал твои белые плечи.
Я долго так ждал, - ты пришла.
Ты свернула с дорог своих млечных.

Как молитва, губ твоих шепот:
Господь милосердный, спаси.
И стучали они все, как молот
По сердечной, застывшей оси.

Ты не век в моей жизни - эпоха.
И не бросит никто злую тень.
Оболгать беспорочного бога,
Как звезду растоптать оземь.

И не слышал в мире никто,
Что с нами случилось вчера.
Твоя страсть бушевала в окно.
В объятьях моих до утра.

Только с холодным рассветом,
Не стало двоих на земле.
Ты избрала меня звездочетом
Той планеты в лунном луче.

Мерцает свеча, онемела рука

Мерцает свеча, онемела рука,
Прикован к столу третий день.
Из слов окаянных ложится строка,
Вся в черном на лист, словно тень.

Пылают глаза, не знавшие сна,
Как верные стражи в дозоре.
Они провалились до самого дна,
На снежном ослепли просторе.

От судорог кисть не бросает перо.
Вот это зима так зима.
Здесь было когда-то все белым бело,
А теперь показалась земля.

Проталину выжег мартовский луч,
От тепла обнажились поля.
На перину пергамента брызнул сургуч.
И повесть моя ожила.

Содрогнулись листы, закипели чернила.
Тени упали на стол.
Пером повела чья-то дикая сила.
И даже не острым концом.

Будто в объятиях черного мага,
Что-то пишет рука до утра.
Благородной страницей стала бумага,
Чтобы ночью сгореть без следа.

Недолго совсем до последней черты.
Под стать стала плоть моя духу.
Пересохли уста без капли воды.
Все чувства отданы слуху.

Со стола собираю жалкие крохи.
Плагиат – мое ремесло.
Кто-то читает великие строки.
Только кто?- Мне уже все равно.

Светило бесстрастным лучом

Светило бесстрастным лучом,
Ослепило радостный взор.
И тут же двухглавым мечом
Мой разум пронзен был в упор.

Померкли все рубежи,
Ночь застелила глаза.
Сказала мне смерть: Поспеши!
Призвали на суд небеса.

И жизнь, как единственный миг,
Пролетела у страждущих век.
Я на взлете ее не постиг.
Мой век он еще не истек.

Понесли мою душу ветра

В самую синюю твердь.
Светлый облик святого Петра
Отворил мне врата, словно дверь.

Там дух мой стоял среди прочих.
Потешался над страхами тех.
В земной суете некому, Отче,
Замолить за меня тяжкий грех.

Колокольный слышался бой.
И мысль обожгла: пропадет.
Верните мне жизнь ради той.
Ведь смерть ее тоже убьет.

И ответил Господь из бездны:
Ты снова обязан ей всем.
Но любовь и добро милосердны.
Как молитвы ее все ко мне.

И дрогнули мертвые веки,
От чуда открылись глаза.
И все упокойные свечи
Затушили в храме ветра.

Это и есть самый тяжкий мой грех

Это и есть самый тяжкий мой грех –
Не Бога искать в этом храме.
Только сердце живое, что бьется за всех,
Одно равнодушно к славе.

Слышу под сводами хор: аллилуй, -
Он слетает ко мне, словно птица.
А мне лишь земной, простой поцелуй,
Который столетия снится.

Стала душа каплей чистой воды
В купеле святого причастья.
К ней прикоснутся однажды персты.
Окунется недолгое счастье.

От ветра погаснут горящие свечи,
Застынет во мраке алтарь.
Но лучи твоих глаз постучатся, как дети,
Всем откроют солнечный ларь.

И он явит святое знаменье
Свое откровенье рабам.
Одна ты – мессия. Одна ты – спасенье,
Отрада грешным глазам.

Твои окна выходят на храм

Твои окна выходят на храм,
На горящие золотом шпили.
И этот, второй Ватикан,
Мне стал настоящего ближе.

У ворот, как швейцарские стражи,
Столетия стоят предо мной.
А Господь призовет и накажет,
Потому что пришел за тобой.

Здесь старые книги в окладе,
Дорогие шелка и фарфор.
И вор не остался б в накладе:
Он бы пустым не ушел.

Но в жизни все пустота.
И не радует взгляда окрест.
Только твоя красота:
Твой нательный, серебряный крест.

Руки, как райские птицы,
К богу поднялись наверх.
Но святые, могут разбиться.
О, мой незамоленный грех.

В божьем доме, как перст одинок.
Лишь молитвы твержу я все тише.
Только эти несколько строк:
Ты всех храмов христианских превыше.

Будет там мне святая земля,

Где укажешь под солнцем пределы.
Для тебя там живет мое - я.
И умрет, если надо за дело.

Твои окна выходят на храм,
На, горящие золотом, шпили.
И этот второй Ватикан
Мне стал настоящего ближе.

Случайная встреча

Давай будем к себе милосердны,
И прямо посмотрим в глаза.
Не оставим друг другу надежды.
Простимся теперь навсегда.

Эти вечные ветры разлуки,
Разносят сердца по углам.
Но сильнее ненастья руки,
А последняя встреча – обман.

Привет:

Ах, эта случайная встреча
Так много расскажет порой.
Она мои раны залечит.
И станет счастливой звездой.

Неужели мы просто чужие,
Лишь пара приветливых фраз.
Любовь из осколков сложите,
Скажет жизнь, как прохожий за нас.

Разлука была во спасенье,

Случайная встреча судьбой.
Пробудился мой сон от забвенья.
Позови на всю жизнь за собой.

Светлый клоун. Грустный клоун.

Зажглись огни. Приехал цирк.
Веселье, хохот... Целый мир.
Пестрят афиши по углам
Сегодня будет... смеха бал.
Известная всемирно труппа,
На суд представит высшее искусство.
Здесь дрессировщики, жонглеры, силачи.
Эквилибристы – дети высоты.
Проездом на полпути мы в Канны.
Скорей спеши, мой зритель, в кассы.
Вам лучшее покажем представленье.
Но вот беда – приносим извиненья.
Вчера наш клоун занемог.
Надолго он с сердечной болью слег.
Но выход свой не отменил на сцену.
Занавес. Парад алле. Все на арену.

Привет:

Светлый клоун. Грустный клоун.
Ты меня не весели.
Твой смех отчаяния полон:
Не стоит мир такой слезы.
Грустный клоун. Светлый клоун.
Ран моих не береди.
Ведь ты скользишь за гранью боли.
Себя, себя побереги.
В моей душе, в моей груди.

Как будто рампы, свет здесь не потух,
Скользнул, как луч, бесплотный дух.
Смех его, улыбка до ушей.

Шут. Сатир. Дурак и лицедей.
Какая пластика, репризы, анекдоты,
Веселые посыпались остроты.
Он, как актер, за сценой - сцену.
Играет сердце роль и платит цену.
Но не дожить ему здесь до антракта:
Он шутит за секунду до инфаркта.
И этот удался ему экспромт.
Упал дурак ни мертвый, ни живой.
И долго стоя зал рукоплескал.
Оваций гром до ночи не стихал.
Лишь утром узнали: Сменили афишу.
Умер клоун. Конец представлению. Финиш.

В сверкающий горн ...

В сверкающий горн протрубил мой герольд.
И мне возвестил тридцать семь.
А сердце, услышав новый пароль,
Не поверив, спросило : „Зачем?“

Твоя жизнь без борьбы идет, как идет,
Ни хуже, ни лучше других.
И круглая дата уже настает:
Своих не меняй на чужих.

Слуги мирские, это вы - то свои.
Ваш грешный язык, словно яд.
В суете мои дни безвозвратно прошли.
Только нет дороги назад.

Канули годы, не знавшие битв.
Стороной обошла чья-то боль.

От грехов человеческих вроде бы чист,
Но знаю, что черен, как смоль.

Разума сон самый страшный недуг,
Как патоки сладкая власть.
Лучше враг беспощадный, чем ласковый друг.-
Но на колени уже не упасть.

Как каплун отупел от жирной еды,
Всех винных подвалов и яств.
Ведь сытость всегда – это признак беды,
Всех разъедающих язв.

Скорее несите тяжелые латы,
Бросьте ножны, оголите мой меч.
Там чужую победу славят, как круглую дату.
Они верят, что в седло мне уже не залезть.

Я вырвал свое скулящее сердце,
И бросил, как камень оземь.
Ты больше не скроешь жаркого солнца.
Я стану теперь сразу всем.

Старый герольд, это все ничего.
Даже смерть одолеем вдвоем.
Я подставлю тебе в битве плечо,
Еще годы у судьбы отобьем.

Вот, наконец, и мой поединок.
Разорвана в кровь от девизов гортань.
Жизнь и смерть, как целое двух половинок.
Платят друг другу черную дань.

Через забрало вижу все дали.

К солнцу, с копьём наперевес.
Шанс мой последний небеса даровали,
Чтобы герб без следа на земле не исчез.

Сегодня в муках черной ночи

Сегодня в муках черной ночи,
По белой простыни письма,
Гонцом любви, что было мочи,
К тебе отправилась душа.

Прямой, извилистой дорогой?
Пешком, на тройке иль верхом?
В пути она к земному богу
Сменила гордость на любовь

Письмо крылатое – свидетель
Борьбы священной зла с добром.
Ведь страсть моя не благодетель
И не обитель сладких снов.

И если чистые страницы,
Тебе не явят тайный смысл.
Ты между строк раздвинь границы.
Услышь сердечный, грешный пыл.

Одно на свете будет счастье
Для отправителя письма,
Когда оно сгорит в объятьях
И поцелуях без следа.

Летите, крылья, в голубую даль.
Где так от высоты светло.

Ничто душу мою так не согреет

Ничто душу мою так не согреет,
Как эти слова средь холодной ночи:
Тебя, дурака, она любит, жалеет.
Только ты, все вздыхая, молчишь.

Мое сердце болит от смятенья.
Оно, как потухший очаг.
Огонь ее робок, как все объясненья.
В целом мире пылает свеча.

Под покровом остывшего пепла
Кто-то из праха высек искру.
От дыханья ее, от колыхания ветра.
Страсти вспыхнул костер в высоту.

Опалил он небесные своды.
Все в силах ее, как навязчивый сон.
Ведь эти слова, как вешние воды.
Сегодня зажгли, а завтра потушат огонь.

Ничто душу мою так не согреет,
Как эти слова, тем другим не чета:
Лишь тебя, дурака, она любит, жалеет.
Ведь эта любовь у нее навсегда.

Мачо

Когда красotka ты в ночи заплачешь,
Супружеский платить устанешь долг,

Закрой глаза, представь брюнета - мачо.
В любви, который знает толк.

Путь сладострастия не случайно выбран.
Постель моя хранит здесь столько тайн.
Ведь с женской плотью я, как с ролью сыгран,
Когда обняли руки тонкий стан.

Принев:

Пусть будет все - так и не иначе.
Всегда тружусь без отдыха для вас.
Ведь я, в натуре, честный, чистый мачо.
И где-то в чем-то грязный ловелас.
Поверь душа, что я не Казанова
И не идальго - славный Дон-Жуан.
Мое стезя: еще, опять и снова.
Ведь мочь в любви – мой высший титул – гранд.

Моя любовь опять не продается.
Как прежде не торгую ремеслом.
И страсть моя в наем здесь не сдается.
Но для тебя готов опять на все.

Ну, разве так позволено любить.
Зачем такому мужу новый шанс?
Лишь мачо может снова воскресить.
Сегодня он дает свой непрерывный сеанс.

Вот моя смерть стоит на пороге

Вот моя смерть стоит на пороге.
Что же вы, слуги, столпились гурьбой.
Незнакомку приветьте: она только с дороги.
В дом проведите, посадите за стол.

Предложите в бокалах лучшие вина
И явства несите на подносах стремглав.
Ваши пусть видит веселые лица.
И не страшитесь ее – она ведь – моя.

Вернется к бедняжке прежняя сила.
Лишь не пытайтесь взглянуть ей в глаза.
Взор под вуалью она заточила,
Но пылает над ней, как нимб, красота.

Здравствуй, моя темноокая жрица.
Здравствуй, и ты мой неверный поэт.
Заглянула к тебе: право, не будешь сердиться.
Свиданье с тобой всегда – это честь.

Слышала давече, даже намедни,
Уставшая в муках, не твоя ли душа
Призывала меня от докучной болезни,
На зов твой далекий я и пришла.

Живешь для поэта на свете давно.
Не великий талант, как будто зачах.
Уж лучше на взлете. Так не все ли равно.
Зачем же ты просишь еще один час?

Пребываешь и ты в плену ветхих строк.
Безумец, очнись ведь пришла навсегда.
Хотя этот час просил и Софокл.
И даже отец – Александр Дюма.

Знаешь ли ты всех своих дел,
Оторви свою руку от грешной страницы.
Но на смертном одре писал и Мольер.
Таких же, как ты, глупцов вереницы.

Отчего не ищешь спасения в бегстве.
Как на закланье идешь во весь рост.
Все вы сгорите в адовом пекле:
И Шекспир, и Вольтер, и Гете, и Скотт.

Не признаете другого исхода.
Ты и сейчас не смотришь в глаза.
Напиши, что смерть ждала тебя у порога.
И прибавила к часу еще полчаса.

Мой дом опустел, разбежались все слуги.
Кто сразу почти. Кто ждать перестал.
Расползлись, словно змеи, гремучие слухи:
У хозяина был со смертью роман.

Песня для Пугачевой и Галкина.

ОНА:

Мы не пара с тобой, не чета.
Кто сказал, что неважно, не надо.
Годы буду твои вычитать.
Но останется круглая дата.

ОН:

Мы не пара с тобой, не чета.
Кто сказал, что неважно, не надо.
А я буду тебя целовать,
Не считая огромного сальдо.

ОНА:

А вообще, ну, кто ты такой.

Вводишь меня в перманентную краску.

ОН:

Я влюбился в тебя и к тому ж холостой.

Холоден разве, так это лишь маска.

ОНА:

Что ты холостой уже хорошо.

Если не врешь. Точно. Проверю.

А дом у тебя и в правду большой.

Смотри. Лично углы все промерю.

Как ты юн для меня. Эй, пародист,

Чтец разговорного жанра.

ОН:

После встречи с тобой я стал монархист.

Ну, и загнул, - самому даже странно.

ОНА:

Ну, кто ты такой? А кто я!

Разделяют как прежде нас годы.

Он:

Просто теперь не могу без тебя.

Для меня и столетья не изменят погоды.

Она:

Какие столетья? Ты совсем обезумел?

Услышу еще раз вековой этот ценз...

И кто, шляпа, тебя надоумил.

Кстати ты православный? -Нет!

ОН:

Не указывай мне, дорогая, на дверь

Неужели тебе я наскучил.

От горя пойду, микрофон за кулисами съем.

Укушу режиссера, кого-то до смеха замучу.

Напьюсь я сегодня все-таки крови.

Только не плачь. Потечет твоя тушь.

Да, мама моя тебе станет свекровью.

Ну, а я справедливо карающий муж.

ОНА:

Что ж ты, шляпа, раньше молчал.

ОН:

Для тебя готовил сюрприз

Она:

Но ведь я не ответила – да.

Он:

С твоим сальдо - это был бы каприз.

Она:

Сбываются в жизни мечты.

Лишь приставать не надо до свадьбы.

Но спросит мой голос: „Дорогой, это ты?“

Артист мне в ответ:

ОН:

Нет – это я.

ОНА:

Твердит он ночью еще.

Не горячись, любимый, постой.

Ты можешь со мной сделать - хоть все.

Только прошу, больше не пой.

Рассмус бродяга

Мой дом – с полями широкая шляпа,
А сердце в груди, как сбитая трость.
В дороге всегда – ведь я – Рассмус бродяга.
В любую погоду желанный ваш гость.

Иду к вам порой из такого далека.
Можно сказать, что спускаюсь с небес.
Я – гонец не очень спешащего бога.
Собираю в пути только добрую весть.

За кувшин молока, за ломоть испеченного хлеба,
Буду работать до первой звезды.
За перину душистого, мягкого сена
Останусь косить у вас до зимы.

Что за топот и гул, словно дикие гунны.
Друзья, почему вскочили вы с мест?
Это гитары моей желтые струны
У ночного костра разбили ночлег.

Встречи в пути – это радость и грусть,
За коротким привалом опять расставанье.
Все ваши слова помню почти наизусть:
Рассмус бродяга с нами навек оставайся.

Мой дом – с полями широкая шляпа.
А сердце в груди, как сбитая трость.
В дороге всегда – ведь я – Рассмус бродяга.
Не знаю порой, куда она приведет.

Ну, что из того, что я полигамен

Ну, что из того, что я полигамен,
Словно из лампы вырвался джинн.
В этом чувстве всегда был с босыми ногами,
Когда уходил на рассвете один.

Пусть легко заводил пустые романы,
Был лучшим клиентом стареющих жриц.
Но эта любовь признавала карманы.
Ценилась всегда лишь продажностью лиц.

Обивал до мозолей чужие пороги
И даже сходил в тридевятое царство.
Но там, как и прежде, - таились пороки:
Женские слезы, ревность, коварство.

Не знал за собой никаких рубежей,
За каждой любовью бросался, как в омут.
Но не ставьте прощу на меня лишь сетей,
Ведь русалки на море точно не тонут.

Влекли поначалу случайные связи,
Для плоти атлета не великий ущерб.
Но ночи и здесь мои не увязли,
В этих криках истошных, стервозных минерв.

Всегда дрался до крови - ставил жизнь на пари:
За этих гламурных и вычурных дам.
Как нищий стоял в Нотрдам де Пари,
Когда, страстью сгорая, в храме их брал.

Но для сердца милы, как прежде, монашки,

Чист патеон этих божьих невест.
Их черные юбки поднимал я всегда без опаски.
Как лис приходил в их куриный насест.

Ну, что из того, что был полигамен.
Любая любовь – это жизненный свет.
Да, дорогая. Помню, что стал почти моногамен.
Но лишь до полуночи. А там уж – привет.

Снова кружусь у волнующих роз.
На этом лугу всегда постоянен.
Прости, дорогая, проклятый склероз.
Забываю все время, что я – моногамен.

Поплачь прошу обо мне

Поплачь прошу обо мне,
Только без лишнего шума.
Как бабы рыдают во сне,
Потеряв беспутного мужа.

Свой крик сокрой в ладонь,
Обуздай это страшное эхо.
Он был воистину твой, –
Скажет смерть, улыбаясь от смеха.

Пусть угас, но так гаснет заря,
В объятьях прелестницы ночи.
Без тебя не прожил я и дня,
И гибель свою не отсрочил.

Власть земную возьмет тишина.
Лишь она усилит в сто крат.
И откроется всем глубина

Безвозвратных, напрасных утрат.

Кораблекрушение

Мой корабль по синим волнам
Летел, словно белая чайка.
Всем салют отдавал берегам,
К своему обещая причалить.

К семибальным он шел ветрам,
В ураганах не ведая страха.
Ведь любовь там держала штурвал.
Сердце билось вместо компаса.

Приве:

Кораблекрушение. Кораблекрушение.
Предчувствует сердце беду.
Кораблекрушение. Кораблекрушение.
Я жить без тебя не могу.

Но радость сменилась затишьем,
Когда твой вдруг исчез позывной.
И впервые любовь, не услышав,
Не поверил я правде такой.

Не ждет меня у причала,
Как прежде счастливая весть.
Белая чайка – другую любовь повстречала.
А тебя, буревестник, ждет черная смерть.

Приве:

Кораблекрушение. Кораблекрушение
Веду свою жизнь на гряде.
Кораблекрушение. Кораблекрушение.

Так больше страдать не хочу.

Хриплю, как раненый зверь

Хриплю, как раненый зверь,
Застигнутый болью в ночи.
Укротитель – ты моя цепь.
И мой хищный инстинкт молчит.

Словно узник, посаженный в клеть,
Заточенный звериный царь.
Сколько раз мог тебя я загрызть.
Снять белую кожу, как скаल्प.

Но спасаясь от тени любви,
Что губит и сводит с ума,
Мои когти стали нежны,
Моя прежняя сила – не та.

День и ночь выхожу на манеж,
В ненавистное моря огня.
Дрессировщик, последних надежд
Шомполами не рви из меня.

Выход наш, заключительный номер.
Коронный, как раньше мечтал.
В моих лапах затих ты и умер,
И зверь уже не дышал.

Одесса

Есть города, как царства,
От них не дать, не взять.
Их тучные богатства
В момент не прогулять.

Но все же пала Троя,
И Атлантиды нет.
В моей любви нас трое
И мне держать ответ.

Припев:

Ах, Одесса. Эй, Одесса.
Жаль что не моя.
Ты не моя невеста.
Такие вот дела.

На свадьбе нет мне места,
От всех твоих подруг.
Всем им давно известно,
Жених твой – старый Дюк.

И день, и ночь веселье,
Царило здесь кругом.
И пил я за здоровье
Невесты с женихом.

Как было право больно,
Смотреть мне на тебя.
Но все же крикнул: горько.
Теперь она – жена.

Как прежде хлебосольна
Одесская семья.
И каждому народу
Найдется здесь земля.

Здесь символы бездомны.
И все живут без страха:

Трезубец Посейдона,
И шапка Мономаха.

На черноморском рейде.
Всегда горит маяк.
Пока горит он, верю,
Что будешь ты – моя.

Одиссей и одесситы

Не веришь ты ? Не слушай.
Но не кричи, что миф!
Ты, дядя, скройся лучше,
Пойди, родной, проспись.

Вопрос большой в науке,
Давно стоит ребром:
Кто одесситы? - Люди.
И где их отчий дом?

Опять ты, дядя, снова
Встречаешь в разговор.
Ведь голова не колба,
А мысли не раствор.

Кто пращур одесситов?
Кто против был и за.
И тут вдруг осенила
Великая мысль.

Пусть тайну я нарушу:
Из логова смертей
Здесь выбрался на сушу
Заблудший Одиссей.

Он – папа одесситов.
Да, да – тот Одиссей.
Ну, как для всех семитов
Был старый Моисей.

С отцом ясна задачка.
Но кем была же мать?
Пересса и морячка, -
В округе говорят.

Мне не перечишь, дядя.
Со всем согласен ты.
И Одиссей, что надо.
Прошел по фронту в тыл.

Он бросил семя в лоно,
И, преисполнен сил,
Осеменил всех поголовно...
И дальше укатил.

Дитя родилось к сроку.-
И первый одессит.
Сказал „шолом“ в субботу -
С пеленок пародист.

Ребенок быстро вырос,
И встал главою дел.
Ну тощий, как папирус,
С годами все добрел.

Везде и всюду первый,
Не даром длинный нос.
Лечил он смехом – нервы,
Улыбкою –склероз.

Ну, как рыбак без клева,
Что рыба на мели.
Не лез в карман за словом:
Он знал все матюги.

Прижимистый для дела.
Копил все про запас.
Пошла к чертям карьера:
Под шухер, шмон, атас.

Ну, кто не знает, Фиму.
Вас умоляю грим.
Да, одевает фикса,
Ну, чтоб фасончик был.

Ему ль не знать те чувства
Погром ведь был вчера.
Ша,.. фраера. Грабеж – искусство:
Без крови, без ножа.

Беднягу грабят столько лет.
Все делают на нем.
А он на них простой гешефт.
Еще и с барышем.

Он следует по плану.
Ведь говорил Карл Маркс:
Большому капиталу

Приходит смертный час

Немножко контрабанды,
И маленький гоп-стоп.
Но лишь на пропитание.
Все, чтобы тип и топ.

Дядя, это снова ты,
Не прошел и час.
Стал ты Одиссея сын,
Юный Телемах.

Ну, кажись и вся семья.
Найти бы Пенелопу.
Но где найти её, друзья,
В Одессе и в субботу.

Виртуальная рана

Ты всадил в мою спину клинок.
О, если бы в самое сердце.
Измену, как суд и как рок.
Приняла бы со смертью мгновенно.

Но боль разлилась, как огонь.
Как пожар на астральном пути.
Я не в силах сказать ему: стой.
Даже, если ты молвишь: прости.

Привет:

Нет. Не бранным телом.
Всего-то изменил душой.
Она на ложе возлежала в белом,
В постели сладострастия с другой.

От этого виденья пали руки.
И не было так больно никогда.
И в странствия любовь отправилась в разлуки.
И кажется теперь, что навсегда.

Кому-то малыми покажутся грехи.
Ведь верность – это время правды.
Воскликнет даже кто-то: пустяки.
Как можно умереть от виртуальной раны?

В последний раз касаюсь твоих губ,
И оставляю с горечью наш дом.
И тысячи имен. Ты – душегуб.
Прощай моей любви – мираж, фантом.

Тетива твоих черных ресниц

Тетива твоих черных ресниц,
Зазвенела от пущенных стрел.
Ты, ударив из сотни бойниц,
Меня обрекла на расстрел.

Табуны необъезженных мышц
Одела в кольчугу, в броню.
Тараном стальных колесниц
Мне объявила войну.

Ты бросила сразу в галоп,
Овеянных рыцарей славой.
Прошла, как железный поток,
Обжигая то словом, то раной.

Под ударом пешевого строя,
Несмотря на страшный урон,
Ты в чаду рукопашного боя
Мою честь обрекла на позор.

Под натиском вечного круга
Не жить нам двоим на земле,
Но меч опускаю. Так это не трудно,
Чтоб оказаться с тобой на щите.

Дней осенних тишь и шелест

Дней осенних тишь и шелест.

Чуткость каждого листка.
Опадающая прелесть
Преходящего цветка.

Луч прозрачный истлевает,
Как последнее тепло.
То он есть, то будто канет,
Словно не было его.

Жаль - небесные полотна
Зальют докучные дожди.
И потекут все пятна солнца
В мою чернильницу души.

И я возьму перо, бумагу.
И напишу под гнетом строк.
Мою осеннюю тираду,
А может – грустный эпилог.

Я буду смерть свою желать

И я уйду, и ты уйдешь.
Мы все покинем это царство.
Лишь, кто за кем, не разберешь.
И в этом есть мое несчастье.

Как будет больно сознавать.
Что без тебя живу на свете.
Я буду смерть свою желать,
Чтоб никогда твою не встретить.

Рискну тебя еще молить.
Мне обещай исполнить волю.
В тот час прошу меня забыть.

Как смерть придет и ляжет к изголовью.

Твой нимб, как прежде, негасим.
Он будет мне сиять в дорогу.
Как весть несущий херувим,
Замолвлю слово перед богом.

И смерть тогда тебя забудет.
Не разглядит она лица.
И благоденствие прибудет:
Спаси ее, – ради Христа.

Не плачь, еще совсем не время

Не плачь, еще совсем не время,
Ронять безудержно слезу.
И не целуй покорно в темя,
Покуда я еще дышу.

Грустью не пятнай своей улыбки,
Прогони печаль людских потерь.
Ведь жизнь моя - ну, что-то вроде пытки,
Хоть ты в мое бессмертие поверь.

Не прячь глаза в тени кручины,
И волосы не убирай в платок.
Не зажигай в руках ты никакой лучины,
Покуда не настал последний срок.

Из плена вырви на просторы руки,
Твой звездный час сейчас настал.
И все несказанные, но живые звуки,
Произнеси тому, кто их так долго ждал.

Мы не дошли до пропасти безумства,
Не испытали святости греха.
Ведь смерть без толики кощунства
Уже считаться может не моя.

Не плачь, родная, никогда в дорогу,
Расстоянья в век наш – пустыки.
Наше расставанье – так угодно богу,
На смерть мою ты плюнь и разотри.

Не развязать ей нашего узла.
Еще не время стать грозой судеб.
В колоде моих карт пикового туза,
Ей богу, не было и никогда не будет.

Никогда мы не были вместе

Никогда мы не были вместе,
Видно нас разлучила судьба.
И моя лебединая песня
Останется лишь на словах.

Мы прошлись, прикоснувшись едва ли,
По заснеженным тропам любви.
Мои губы твоих не касались.
Ладонь не держала руки.

Я не слышал легкого шага,
Когда по ступеням души,
Ты могла подниматься без страха,
Чтобы в бездну шагнуть пустоты.

Моей там покорная власти,
Ты б лежала на сердце моем.

Как любовь, утонувшая в страсти.
Где-то там: между явью и сном.

Мы бы жили с тобой очень долго,
Ни на миг не наскучив себе.
И с каким упоением восторга,
Отразились в своей детворе.

Никогда мы не были вместе.
И не будем уже никогда.
И моя лебединая песня
Останется лишь на словах.

Я живу здесь под самой крышей

Я живу здесь под самой крышей.
Расскажу вам про счастье мое.
Тихо, тихо здесь звезды дышат.
И смотрят украдкой в окно.

Со звездным небом завел я дружбу.
Не горят без меня фонари.
Как свечи, в вечернюю службу.
Один зажигаю огни.

Здесь пылает любовь до рассвета,
Освещая дорогу добру.
Кто-то с счастьем встречается где-то.
Неприменно ему помогу.

На мансарде облако пыли,
Чтобы лунный, скользящий луч
Навсегда поселился отныне,
Как маяк, освящающий путь.

В моем храме не будет тесно.
Всех всегда с упоением жду.
Вам под крышей лучшее место,
Рядом с сердцем своим отведу.

И не важно, что дождь по крыше
Будет бить всю ночь до утра.
Ведь звезды в душе моей дышат.
И смотрит в нее луна.

Ты не Да Винчи Мадонна

Как небо, как море бездонны
Улыбка, эти глаза.
Ты не Да Винчи Мадонна.
Ты слышишь – только моя.

Кто-то славит пусть Рафаэля:
Но кистью достойной его
Я пишу тебя акварелями,
Вышиваю на сердце панно.

Наложить на себя может руки?
Видит бог без тебя все равно.
Три столетия мы, как в разлуке,
И вместе нам быть не дано.

Не беда, что время морщины
Наложили свой памятный след.
Я укрою тебя плащеницей.
Приму за тебя тяжкий крест.

Как прежде с тобой мы не равны.
Снизойди же ко мне, мой кумир.
Твой секрет неразгаданной тайны.
Волновать будет вечно наш мир.

На иконах, холстах и полотнах
Будет сиять мне всегда
Та улыбка, что так непокорна.
И как древние царства – глаза.

К глазам твоим идут мои седины

К глазам твоим идут мои седины.
Они, как продолжение мольбы..
Ведь родилась ты где-то в середине
Моей загубленной, расстраченной судьбы.

Как всегда усердствует злой рок
И рвет как струны старческие жилы.
Поставлен возрастной нам был порог,
Чтоб я и ты до счастья не дожили.

С годами, говорят, что бес в ребро.
Только знаю, все это сложнее.
Ты вошла, как нож, в мое утро.
И думать о спасении не смею.

Жизнь моя кончается на свете,
Но годы не играют больше мной.
Остались мы в любви все те же дети,
Такие несмышленные порой.

А время – зыбкая и шаткая эпоха.
Куда еще забросит перст судьбы?
Но даже на краю, с последним вздохом
С тобой хочу остаться лишь на ты.

Последняя любовь: ни быль, ни сказка.
Проза жизни снова не нова.
Лишь ты бессмертная, живая чаша.
И пить ее и не испить до дна.

К глазам твоим идут мои седины.
Они как продолжение мольбы.

Ведь родилась, ты где-то в середине
Моей загубленной, расстроченной судьбы.

Осенний букет

Какие цветы в осеннюю пору?
С подарком моим не сравнить никогда.
Я листьев опавших целую гору
Тебе принесу и брошу к ногам.
Прекрасен и пестр увядающий полог.
По слиткам и грудам первозданной души.
Ты ступая рождаешь таинственный шорох.
И что-то болит нестерпимо в груди.

Привет:

Осенний букет – это листьев опала.
Осенний букет простоит до зимы.
Осенний букет – это только начало.
Осенний букет символ нашей любви.

Кто-то давно еще ранней весной
Порох рассыпал, как будто нарочно.
Чтобы от искры случайной, одной
Салютом осенним вспыхнул весь сухостой.
Ты видишь в глазах негасимый костер.
Эти желтые, красные, синие брызги.
Все цветы для букета, - для тебя - сам нашел.
А цвета из моей закодованной жизни.

О любви моей не узнаешь

О любви моей не узнаешь.

Как немые молчат век уста.
В колодки тоски и печали,
Она закована навсегда.

И за что все эти напасти.
Мне никто не может помочь.
Каждый день сгораю от страсти,
Проклинаю бессонную ночь.

Сколько растроченных сил,
Были отданы этой борьбе.
Свое сердце однажды убил,
Когда не открылся тебе.

Моя шутка снова обидит,
Отчего бессердечен так смех.
И покажется, что ненавидит
Тот, кто любит тебя уже век.

И уйдешь ты снова надолго,
Но сейчас заклинаю, молю.
Обернись и увидишь, что можно
Разгадать еще тайну мою.

О любви моей - не узнаешь.
Как немые молчат век уста.
В колодки тоски и печали
Она закована навсегда.

Взялся за гуж – так держись

Вижу идет: божество, интуристка.
Курсом прямым, как крейсер, ко мне.
Вся в шоколаде, ну точно - артистка.

Не поверите, братцы, в одном декольте.

От страха шепчу: O baby. I am sorry.
My darling, пожалуйста, стой.
Не хотели бы вы страстной love story,
Стать в сердце моем настоящей звездой.

Только она: I am not undestend.
Понимаю, вы еще не привыкли.
Ах, какой же у нас был бы weekend.
Крошка сказал бы: пожалуйста, - qukli.

How do you do? How do you do?
Знаешь, мы тоже дуем на воду.
В смысле, что секс безопасный я чту.
Каким бы ни был твой - beateful bodi.

How are you?. What is you name?
Право не все ли равно.
Богом клянусь, что точно не гей.
И порно для меня не кино.

Что же еще. Don t worru, be cafell.
O were well.
Да, не жгучий брюнет - не Джексон.
Я так до обидного бел.

Что-то шепчешь ты снова по English.
Английская кукла, как тебе объяснить,
Что чай с молоком ты не заваришь,
Да и некому здесь его пить.

It s for you a smoll suovenir.
Мал золотник, - да дорог.
Подарил бы тебе, интуристка, весь мир.
И родню человек эдак сорок.

Goodbuy. Goodbuy, me dear Frend.
Простилась она навсегда.
Черт, - это все мой диалект.
Шепелявость – вина языка.

Не уходи, постой, интуристка.
Кричу ей в след: O my Good.
А она мне в ответ: «Расслабься, парнишка.
Я иностранный гид.»

Вот так признание, любовный блиц.
Но гид ведь совсем не посол.
Неприкосновенным правом для лиц
Он, к счастью, совсем обделен.

Так что давай, - это love story.
Но, что ты, право, молчишь.
И никаких больше: I am sorry.
Взялся за гуж – так держись.

Связывал нас один только секс

Да. Да. Она – моя экс.
Только прошу без прелюдий.
Связывал нас один только секс.
Без примесей всяких иллюзий.

Это была, как большая игра.
Угождали друг другу всю ночь.
И мысли отбрось о муках греха.
Мы не знали о них ничего.

Кем был для нее? Кем она для меня?
Если б знала, как низко я пал.
Когда мир затухал, начиналась война.
Я силой в борьбе ее брал.

В жизни простой - совсем не умна.
Но в сексе была словно бог.
Прилежна всегда и так хороша.
Не стыдилась она низких поз.

Каждый играл падшую роль,
И знал ее на зубок.
Слова сочным нектаром сочились из пор,
Из всех эrogenных зон.

Ах, какой был у нас секс.
С ней просто все снова начать.
Эротическим танцем взлетела на шест
Ее безграничная страсть.

Да. Да. Она моя экс.
Только давай без прелюдий.
Будешь моей ты, следующей – некст.
Но без капли женских иллюзий.

Старый адрес

Старый адрес в душе, как клеймо

И звучит мне ответ паспортистки:
Адресат этот выбыл давно,
Десять лет, как нет его в списке.

Для меня это грустная новость.
Ваша справка совсем не нова.
Что-то тянет сюда. Может, совесть.
Ностальгия, быть может, моя.

Несут по себе сами ноги
Меня в этот памятный дом.
Здесь часто сижу на пороге,
И погружаюсь в свой сон.

Знаю все, но хожу по привычке.
На чудо надеюсь всегда.
Девушка, милая, вы не кричите:
Для меня вы – вроде Христа.

Это все же, наверно, ошибка.
И найдется среди сотен томов,
Для меня дорогая записка,
С новым адресом старых жильцов.

В кармане гремит старая связка
От самых заветных в мире ключей
Не надо другого мне в жизни подарка:
Как жизнь отворить из закрытых дверей.

Но молва разнесла: поселился жилец.
И в доме зажегся в полночи свет.
Не ищите меня, ведь я уже здесь.
Старый адрес точно у вас уже есть.

Все проходит и это пройдет

Все проходит и это пройдет.
Эта истина нам в наказанье.
Только наша любовь не умрет,
А иначе- зачем все страданья?

Тот, кому это древняя мудрость
Была, словно воздух нужна,
Сокрыл за словами он трусость,
Не обнажил перед смертью меча.

Плоть живую недолго сломить:
Ведь храбрость ее так знакома.
Но любовь мою не убить
Даже этим напыщенным слогом.

Сколько тайн, неразгаданных мыслей
Мы еще не познали с тобой.
Но лишь преходящих истин
Никогда не приму я душой.

И отступит смерть, отойдет,
От тех, чья любовь так беспечна.
Пусть сама по себе эта мудрость живет.
А наша с тобой: присно и вечно.

Ты один не спишь в колыбели

Ты один не спишь в колыбели,
Погремушкой звенишь на весь свет.
Глаза, как две звездочки. Тени.
Мой мрак освятили навек.

Ты владеешь уже языками
Шести и семи разных стран.
Декламируешь что-то стихами.
И общаешься с ангелом сам.

Внимаю каждому слову.
Этот шорох люблю, каждый звук.
Твои руки, как ласточки к Богу,
Взлетели, как солнечный луч.

Час скучаю, а может и вечность,
Когда ты погружаешься в сон.
И тогда беззастенчиво нежность
Отпускаю к тебе на простор.

Пусть коснется тебя аллилуя.
И утраты пройдут стороной.
Да, продлят тебе жизнь поцелуи;
Те, что льются щедрой рекой.

Усни же, прошу тебя, кроха
Но снова я слышу твой глас.
И поешь ты агу, мне по новой.
Погремушкой звенишь в поздний час.

В моих ли силах разлюбить тебя

В моих ли силах разлюбить тебя.
Ведь нет теперь пути у нас обратно.
Ах, если б только можно. Я могла
Снова полюбить тебя, как брата.

Навеки я для мира пала.
Но не тревожит сердце та молва.
Меня страшит не вечная опала.
Одна твоя, что поразит меня.

В моей судьбе ты – страстный странник,
Который постучался в первый дом.
Но ты из прошлого, мой милый мальчик,
Пришел ко мне из юных снов.

Лишь ты – моя последняя награда.
У бога больше нечего просить.
Приходит после рая время ада.
И я готова жизнью всей платить.

Но пусть тебя не тронет эта скорбь.
Свой договор с судьбой я не нарушу.
Я верила всегда в твою любовь.
В твою большую, словно солнце душу.

Изабель

Заполнила мир пустота.
И мое одиночество тоже.
Как виденье, твоя красота,
Мне на сердце руку положит.

Как случилось, что явь ото сна
Мы с тобой отличить не сумели.
И белую свадьбу из льна
Годы в черное платье одели.

Привет:

Изабель. Изабель.
И ласкает одно только имя.
Изабель. Изабель.
Моя память к тебе нерушима.
Изабель. Изабель.
Ты для сердца одна половина.
Изабель. Изабель.
Но не бьется она и поныне

Не связать наши судьбы в одну.
Но душа моя рвется, как прежде,
Предчувствует снова беду
И не верит новой надежде.

Со страхом я жду каждый день.
Он станет серьезней и строже.
И придет, и ляжет здесь тень
Со мной на бессонное ложе.

В мою душу приходит циклон

Снова стою под зонтом,
Как под крышей старинного дома.
В мою душу приходит циклон
С раскатами дальнего грома.

Ветер ударит мне в грудь,

Порывом сердечным печали.
И с первыми каплями грусть
В одинокую гавань причалит.

Тот, кто выдумал этот закон,
Видел мало так солнца.
Дождливый и мертвый сезон
Приходит так просто.

Прольются осадки, так много,
Что душа под натиском вод
Поплывет, как по миру пирога,
Как наспех сколоченный плот.

И больше скрывать нет резона.
Так было и будет всегда.
Всемирное время потопа
С головой покрывает меня.

Все не верю постылой судьбе,
И сейчас, раздираем на части,
То ль циклон в моем сердце – к беде,
То ль душа моя тонет от счастья.

Я жизнь свою сейчас меняю

Поверь, что никого не обвиняю,
Решен давно был старый спор.
Я жизнь свою сейчас меняю:
Праздний этот штиль - на шторм.

Бросаю вызов трепетной стихии.
Без страха к ней иду наперекор.

Здесь больше не поможет и мессия,
Когда глазам откроется простор.

Слова, они нужны для суеты.
Но с книжного сошел я пьедестала.
Пусть разобьюсь за шаг до высоты,
Но больше не познаю в жизни страха.

Не уповаю больше я на бога.-
Как говорится сердцем не плошай.
Ведь с первого и до второго вздоха.
Все время я кого-то ждал.

Мой дух пришел на смену тени.
И этот глас живущий изнутри.
Сказал: «Халат вечерний на сукно шинели.
И туфли поменяй на сапоги.»

Кто не знал, не ведал в жизни риска.
И не скользил по тонкой колее.
Из мертвых он не воскресал из списка.
Он птицей Феникс не лежал в золе.

Встает с рассветом новая эпоха,
Пусть для нее пока я сир и гол.
Но предстоит тяжелая работа.
Но на нее, как черт, я буду зол.

Я читаю во мраке скрижаль

В каждом храме, где сердце – алтарь,
Где свечи пылают по кругу.
Я читаю во мраке скрижаль:
Жену не желай ты чужую.

Но чужой разве может стать та,
Чей образ дороже и ближе.
Здесь впервые земная душа
Кров обрела под крышей.

Вероломный и страшный мой грех.
Как меч вознесенный Домоклов.
Неминуема кара для всех:
Навеки будет он проклят.

Этой страсти движимый чувством,
Мы познали один поцелуй.
Робкий, легкий, воздушный.
Он, как ангел, летел среди струй.

И судьба моя в целую жизнь,
Промелькнула для этой минуты.
Чужая жена, мне приснись.
Прийди в мои сильные руки.

Никогда от тебя не отречься,
Хранит мое сердце твой след,
Прикован я к чувству навечно.
Принес в своем сердце обет.

В каждом храме, где сердце – алтарь,
Где свечи пылают по кругу.
Я читаю во мраке скрижаль:
Жену не желай ты чужую.

Как рыжий стою на ковре

Как рыжий стою на ковре
И ловлю от судьбы оплеухи.
И за что, право, все это мне:
Рождает молва вечно слухи.

Так написано мне на роду,
Стать посмешищем праздного люда.
Только сердцем своим не приму
Я этого дантова круга.

Да, не такой я, как все.
Живу под прицелами взглядов.
Нахожусь здесь на самом дне
Странных и злых хит-парадов.

Часто слышу в адрес свой смех,
Что-то злое бросают мне в спину.
Разве рыжим быть это грех?
Никого никогда не обижу.

Уродился на свете чудак.
Видно, в шкуре его ему тесно.
Нацепил он рыжий колпак.
На ковре ему самое место.

О, этот оранжевый грим!
О, эти, как солнце, веснушки!
Добрый словом спасает весь мир,
Утирает слезу частушкой.

Он всегда начеку за других.
Он дарит за действием действие.
Он не делит своих на чужих,
Оставаясь родом из детства.

Но как прежде разносит молва,
Свои пресловутые страхи.
Улыбка его неспроста.
Он так неуклюж и нескладен...

Сердце всегда не на месте.
И значит нельзя на покой.
А судьбе моей просто не верьте.
Ведь рыжий значит – не злой.

Мой херувим

Когда мне совсем одиноко,
И кошки скребут на душе,
Я вижу, как кто-то с востока
На помощь спешит ко мне.

Камнем он падает с неба.
Мой херувим.
Как давно на земле ты не был,
Неужто меня позабыл?
А знаешь, мне нашептали.
И даже смеялись в лицо.
Будто ангелов не бывает,
Тем более с белым крылом.

Слухи это, поверья.
Судачат они не со зла.
Просто их чистые перья,
Без дела стоят у угла.

Не унывай, дружище,
Пройдем через сотни преград.
И путь мы, конечно, отыщем,
Как было это не раз.

И в нашей иерархии тоже.
Не все, брат, так и легко.
Знаю грусть. Она все тревожит?
И гложет обида давно.

Ну, оглянись же вокруг.
Посмотри сколько дел.
Сколько теплых и нежных рук
Ты пожать еще не сумел.

Как много холодных сердец
Ты в груди не зажег.
Стыдись. - Разве это конец.
Нет – только исток.

И целую ночь, до утра,
Говорили мы с ним.
Да, порою нужда .
Глаза закрывает на мир.

Но падать нельзя нам духом
Ведь уныние, брат, - это грех.
Я вздохом твоим и слухом
Останусь на много лет.

Я теперь и сам утешаю,

Моей сказкой суровую быль.
Потому что верю и знаю:
Мой ангел всегда прилетит.

Он живет будто на облаке

Он живет будто на облаке,
Отрешенно, сам по себе.
Как обычно, не смотрит под ноги.
Летает словно во сне.

Так мысли его высоки,
Что с земли они не видны.
Как ангел парит он легко,
Но крылья ему не даны.

Но развернется белый фантом.
И обрушится он, как с горы.
Для таких не наступит потом.
Смерть приходит всегда до поры.

А мир, придуманный отроком,
Кто-то подхватит другой.
Он на чистом поселится облаке,
И поплывет домой.

Чудаки не от мира сего.
До конца не понять их истоки.
Только без них все равно,
Не было б в небо дороги.

Песочные часы

Не нужен часам этим мастер.
Напрасен его будет труд.
Не разберет он на части
Этот бесценный сосуд.

Песчаная буря в стакане
Пронеслась, видит бог, так давно.
Здесь время стоит на аркане,
Ожидая напрасно. Чего?

Часы эти намертво встали.
Прозрачное блещет стекло,
И стрелки на век замолчали –
Крупицы упали на дно.

Но как быть без привычного хода.
Я оглох от такой тишины.
Не услышать их шумного боя –
Равносильно лишиться души.

Я засыплю безбрежные дюны
В бездонные амфоры лет.
Чтоб никто, не считая минуты,
Украдкой на них не смотрел.

И завертится вновь колесо.
В ход придут все механизмы.
Ведь песочным часам не легко,
Дать новый отсчет старой жизни.

Мустанг

Знойное солнце спустилось в долину,
На самое дно большого каньона.
Там дикий мустанг мчит по карнизу,
Без ропота, без единого стона.

Привет:

По тернистым тропам, по кинжальным камням
Жгучий брюнет – мой иноходец.
Он загнан в петлю, к отвесным скалам,
Словно над пропастью канатоходец.
Ты сердце мое пленил на скаку,
Судьбы моей первопроходец.
Парит моя жизнь с тобой на весу.
Ты - свободы моей оруженосец.

Не оседлать никому, нипочем исполина,
Набери хоть погонщиков целую рать.
Под копытом его даже белая глина
Не стреножит черную масть.

Пыль золотая садится по следу
И корпус стальной режет траву.
Тройка, квадрига ему не по сердцу,
Золотое седло совсем ни к чему.

Где-то стрекочет всесильное лассо,
Вьет словно нимб медовые соты.
Не пленить даже смерти живого Пегаса.
Не выжечь тавру такие красоты.

В бубен цыганский ударил раскат

В бубен цыганский ударил раскат
Во всю свою мощь, не зная забот.
Как табор, спустился в долину закат,
Монеты ударили в такт о живот.

Браслеты оделись на знойные руки.
Пальцы сломили мощь кастаньет.
И голос сорвался на разные звуки,
На отголоски, каких больше нет.

Веером южной княжеской знати,
Платья кружились и бились в пыли.
К твоей благородной танцующей стати,
Ответили в такт – навзрыд – каблуки.

Из бездны земной ответила скрипка.
Из дыма кудрявых и жгучих костров,
Явилась сама – роковая ошибка.
Она в сердце вошла, заколола штыком.

Глаз черных жемчужин - полные струги.
Сейчас обменял на горсти монет.
Отчего же с убытком торгуете, други?
Цены настоящей не знаете? Нет.

Ищу вожака

В степи хмельной

Ищу жожака.
Иноходец мой,
Покажись на глаза.

В табуне твоём
Кони разные:
И гнедые есть,
И палевые.
От красот таких
Я совсем ослеп.
Не ищу племенных –
Одного позарез.

Без седла ищу,
С красной пеной.
Тот, что вытащит,
Не изменит мне.

Мой буланый конь,
Не таись в степи.
С под копыт огонь –
Травы выжжены.

И воды тебе
На один переход.
Пропадешь один –
И меня подведешь

Ох, и конь мой горяч.
Он без жалости.
И летит как черт

К черной пропасти.

Из тысяч его,
Не кнутом приручал.
Он встал на крыло,
Как обещал.

Я табунщиком был.
И тебе завещал.
Звездную пыль,
Сам с копыт вытирал.

В степи хмельной,
Не ищу жожака.
Иноходец мой,
Летит в облаках.

Наколка

Из всех сокровищ,
Из лавровых колец.
Мою наколку - «совесть»,
Не вытравлю вконец.

Пусть окаянную долю,
Сторожат у ворот улики.
Простая наколка – на «волю»,
Как в церкви святые лики.

Припев:

Хоть наколка, что наколка
Кто-то кинет мне в сердцах.

И все мне с ней,
И ничего без нее.
Ты, звезда, согрей,
Обними теплом.

Из лучей твоих
Наберу веноч.
И сплету костер
Полевых цветов.

Под сияньем добра
Загадаю на сон.
Ты откроешь врата,
Где ждет меня он.

От объятий твоих,
Падает шаль.
Ведь тот, кто любил,
Неизменно прощал.

Странная грусть
Не сокроет лица.
Звездный твой путь
Пройду до конца.

Я долго так шла,
До последней черты.
И звезда умерла
У меня на груди.

Но блеснула искра,
Обжигая пути.
Пусть другая звезда

Миры озарит.

Кто звездою могуч,
Любим на века.
Яркий свой луч
Разделит всегда.

Как рука в руке -
Так звезда в звезде.
Это счастье любить,
Не остынет во мне.

Викинги

Лег под утро туман - задавил крепким сном,
И стало не видно не зги.
Лишь не спит, промышляя морским грабежом,
Морская артель. Это – викинги.

Вырваны весла из душных уключен,
Сброшен трап на сонный песок.
С чертом морским договор был заключен,
На бессрочный, чудовищный срок.

Приве:

Белокурой флотилией лодий,
Плывут в океан поля дрейфующих льдов.
В свой первый поход отправился Один,
С ватагой бесстрашных и юных богов.
Плавающие струги - как безлошадные орды,
Далеко оторвались от края земли.
Обернутся с любовью они на фиорды
И опять поплывут по белой степи.

В гавани сброшен был каперский струг.
Здесь не помогут ледяные заторы.
Лучший кормщик взялся за бронзовый плуг,
И клином земля укрылась, как в шоры.

За жгучий янтарь соленых морей,
Схватка идет, что по круче.
Викинги бьются за своих королей:
Да так, что - нет их - и не было лучше.

Рубили они от хребта топорами,
В кожаных шкурах, совсем не щадя живота.
Сраженные викинги пали на дно якорями,
А души, как чайки, ушли в облака.

Что у нас за торг – за торжество

Что у нас за торг,
Что за торжество?
Коль глухарка, с глухарем на ток,
До замужества.

Что за балаган-ресторан?
Что за лежбище?
Пропит от тоски баян,
Но руки помнят еще.

В пляс пойду - не дойду.
Не остепенюсь никак.
Я за грош – мечту,
Сердце – за пятак.

Затянула жизнь на узлы:
Сыромятные лопнули жилы.
Все молитвы мои и псалмы
Напоролись на острые вилы.

Не смотри, что пьян.
Твой христианский долг:
Мне б еще - стакан,
Под него - рассол .

Эх, бы все сначала,
Как родиться вновь.
Не забыть причала,
Где родная кровь.

Не тревожа дум,
Завязал навек.
В самую глубь смотрел –
На тебя человек.

Мне бы воли. Кони,
Что стоите в ряд.
Карусельным пони
Никогда не рад.

И катают, ржут,
И несут по кругу.
Приготовил жгут
И под спирт посуду.

Надоело все.
Ведь совсем не старый.

Рассказал судьбу,
Я без струн гитаре.

Как поет она,
Как звенит порой.
Только стылый я,
Для дороги той.

Все прошу, сестра,
Не кляни слезой.
Только ты одна,
И никто другой.

Вот родной мой брат.
Сядем лишь втроем.
И в последний раз,
Разольем, разопьем.

Лишь под утро меня,
Ни за что не будите.
Не толкайте мертвецкого сна,
Не бередите.

Беспощадным словам печальный слуга...

Беспощадным словам печальный слуга.
Не внемлешь ты мне, ни душе, ни рассудку.
Как не нужную вещь, позабыл про меня,-
Не простившись запрыгнул в чужую попутку.

И пыль поднялась крыльями до горизонта.
В черных фраках устремились куда-то скворцы.
Так сердце мое угасло, упало на солнце.
На погост закатилось, как из рук пятаки.

Привет:

С пути окольного ни разу не свернула,
И не забылась ни на миг.
Любви однажды присягнула,
И этот свет в меня проник.
Он освятил и поразил
Как луч, упавший на алмаз.
Пусть он нисколько не любил. -
Любовь его - стеклянный страз.
Но преломленный луч погас.
И ту последнюю искру.
Та, что во мне живет... жила.
Я завещаю лишь ему.

Ты оставил меня, как не нужную правду,
В плеяде разящей сражений и битв.
Ты платил за любовь - отречением на клятву
И хулой отвечал на святость молитв.

Душе малодушной, безгласый свидетель,
Прошла этот путь за тебя до конца.
Мы с любовью одни остались на свете.

Тайно сбежали из-под венца..

Я не был там

Я не был там, где быть мне было надо.
Затоптан в грязь и выброшен венец.
Не отменил кровавого парада,
Не закричал - там на кресте отец.

Я не был там, где быть мне было надо.
Где с чаш лампадных жгли алтарь.
Где у презренного столба мою сжигали мать,
С распятием в руках, как встарь.

Я не был там, где быть мне было надо.
Когда на кораблях в цепях рабов,
Невольников вели на рынок стадом,
А среди них - моих сынов.

Я не был там, где быть мне было надо.
Плечом к плечу, мы отбивались от врага.
Сменил свой щит на приворот от сглаза:
Так брата потерял и свояка.

Я не был там, где быть мне было надо:
И вижу это снова, как вчера.
Там кубок полный ядом для анчара,
Так жертвой была выбрана сестра.

Я не был там, где быть мне было надо.
Как можно эту муку превозмочь.
Как дорогой ковер, как строчка из корана:
С богатым караваном исчезла моя дочь.

Я не был там, где быть мне было надо.

Листаю, как летопись, старый роман.
Тот бессмертный полет – я видел – Икара
На солнце взлетел он – как на таран.
Воздушная песня, не длинная сага, –
Первым ассам недолго летать в поднебесье на бис.
В моей эскадрильи не стало Икара.
Лучший из лучших в прах был развеян – и сбит.

Искра сигнальная зажглась, как в небе вежа.
И бледный горизонт был нелюдим.
От голоса его сорвалось эхо –
На взлетной полосе, как перст один.

История не мыслит без греха,
Бьюсь об заклад – он тот, кого искали.
Рванул штурвал он с болью на себя.
А смерть ждала уже на острых скалах.

Но многое срывается в начале,
Когда твой путь и для тебя незрим.
И ты идешь на бреющем в запале,
Взлетевший на секунду, херувим.

Он увидел во мне совершенное чувство.
Когда стрелка качнулась, запала педаль.
Я вышел в пике - на боевое дежурство,
Чтобы по праву в паре с Икаром летать.

Страстную ночь укрывал не мехами

Страстную ночь укрывал не мехами,
Не скрывал до поры персидским ковром.
Тело ее согревал лишь устами.-

Косы украсил звездным дождем.

Это жаркая ночь явила мне жажду;
И пить, не испить два полных ведра.
В пути расплескал: воды ключевой,
жемчужной по капле.
И пот твой мельчайший пью из бедра.

Голос слышу далекой, забытой виолы.
Течет благодать по жилам, как стон.
Склоняюсь рабом у жаркого лона,
И волны колышат сраженный восторг.

Как боль поразит трепетом грудь -
Ночи бессмертной, клятва навеки.
Она грустью склонится в расставательный путь,
Слезами наполнятся чайные веки.

В тысячный раз срываю твои одеянья.
Весь растворился в безумных мечтах.
И пусть не окончится наше свиданье.
Позволь мне еще раз тебя пожелать.

Клубовые облака, отложили рейс пока

Клубовые облака, отложили рейс пока.
Время тянется, как долгое ненастье.
Ниоткуда в никуда, забрела к нам вдруг пурга
В белом с кружевами платье.

Непогода на полгода - не в тумане яркий свет.
Делаем мы все же передышку.
Но всегда, увы, везде был уклончевым ответ.

Когда мы улетим, - не знает и Всевышний.

Привет:

Шереметьевский роман, как шампанского бокал,
Не пьянит скупую лоцманскую душу.
Мне бы водочки стакан и готов я за штурвал,
Я не меняю небо на пасмурную сушу.
Не спутать мне ангаров ряд на доки.
Там лайнеры стоят – не катера.
Но те и эти ждут с восторгом сводки,
Когда откроет шлюзы небесная река.

Наши списки, словно снимки, проверяем мы у касс.
И деньги все потрачены в буфете.
Синоптик-бедолага скрывается от нас.
Он прячет сводку лучшую в планшете.

И вот чуть-чуть, почти наверняка,
Мое терпение скользит уже на грани.
Последнюю бутылку коньяка,
В буфете мы разбили на стаканы.

И пять огромных звезд с луной.
Украсил фюзеляж до обморочного смеха.
Я сам тут загудел, как самолет большой.
Мне непогода эта, - точно не помеха.

Клубовые облака, отложили рейс пока.
Время тянется, как долгое ненастье.
Ниоткуда в никуда, забрела к нам вдруг пурга
В белом с кружевами платье.

Безоблачные реки без осадков

Безоблачные реки без осадков.
Я плыл по ним, меняя стюардесс.
Я столько в жизни делал пересадок,
Что голос диктора в мое нутро пролез.

Наш рейс, наверно, будет первым.
У выходов еще довольно мест.
Всему виной сидалищные нервы.
Я налетал их, как заоблачный экспресс.

Из двух болтанок вышел на удачу:
Пусть постарел, осунулся в лице.
С тех пор забыл про чистую задачу:
Когда из пункта А мы доберемся в С.

Летают кто – куда, а кто – подальше.
Страхуют мощи от небесных бед.
Эх, скинуть мне годов пяток пораньше.
С седых волос немного белый снег.

Ей богу, кто - куда, а кто - со свистом.
Зачем, скажи, испытывать меня?
Достали до печенок террористы,
Лечу опять - и снова не туда.

Но вот погодой вырван был из спурта,
Снижаемся так быстро с вышины.
Чтоб всем чертям на небе было пусто,
Мы падаем, как камень, до земли.

Извозчики небесные, скорее.
Но выньте только шею из петли.

И душу не найдете вы добрее.
Сверните с окаянного пути.

Но богу видно тоже все равно:
Что Боинги летают, ТУ и АНы.
Доставить невидимым, вам слабо.
Женюсь на первой, - хоть Таня, Аня.

И все же неминуем страшный рейс,
Расколот фюзеляж уже на части.
И сам Христос здесь точно б не воскрес;
Ушли телами в землю шасси.

Отбили нервные часы,
И нас наверное искали.
Сам капитан напомнил про пари:
Ведь нашу стюардессу звали Аней.

Безоблачные реки без осадков.
Я плыл по ним, меняя стюардесс.
Я столько в жизни делал пересадок,
Что голос диктора в мое нутро пролез.

Судьба

Одна не приходит с бедой - беда.
Не стучит сиротой она в тусклые окна.
Остудилась судьба моя за края,
Изрезала стопы о битые стекла.

И было веселье, и было застолье,
Когда с ее щедрой и доброй руки
Судьба раздарила в дороге здоровье.
Последние, стертые в кровь башмаки.

А по следу ее, совсем не спеша,
Не обгоняя, не пути сокращая,
Шла дорогой удача, почему-то левша,
Настигнуть беглянку, совсем не желая.
Впереди же словно дорожные версты,
Студеные ветры, несчастий столбы.
Судьбы горемычной братья и сестры,
Загулявшие матери, хмельные отцы.

Проблесковые огни

Лишь увижу в той дали - проблесковые огни,
Грусть ворвется болью безысходной.
Там под покровом тишины вспыхнут заревом они.
И позовут домой меня покорно.

Здесь разлука, словно мука, океанская вода,
И не доплыть до берега родного.
Но даже эта ода расстояний сочтена.
Ведь дней моих и так уже немного.

Его натравили старейшины рода.
Заточив свою месть в булатную сталь.

Кто-то сказал еще: можно спасти.
Как заклинанье, - через тысячу лет.
Ты не сможешь его просто забыть, не найти;
Даже в вечности, - кровь оставляет свой след.

Ворон черный теперь мой спутник, мой вестник.
Он кровавую жертву видит уже.
Я иду за тобой, мой отщельник, мой кровник.
Месть - это все, что осталось душе.

Не ступить без расплаты, без искупленья на берег.
Необъяснимы порой деяния наших отцов.
Тот, кто вчера был еще так близок и дорог,
Сегодня зачислен в круг заклятых врагов.

В бушующий ров был брошен по злобе.
Но взглянул в ненавистные эти глаза.
Но ведь раньше его я видел в утробе.
Он больше чем брат, это лик близнеца.

Нет погодите, - это все не по праву,
Когда братья родные бьются на смерть.
Древний закон: «Так я за такую правду?»
Кровавый обычай: «Трогать его не смей.»

Но не знает пощады кровавое дело.
Значит меня примите в свои закрома.
Но так, чтоб за брата душа не болела.
Чтобы мать не сошла от горя с ума.

Древний закон ломал сердца и души.

Клятва ударила эхом: «Иди и убей».
Кровавый обычай, что-то шепнул Богу в уши.
И господь, не расслышав, сказал:
„Никого не жалеи.“

Это не сон, не сильная доза

Это не сон, не сильная доза,
Смотрю на тебя и вижу в ответ.
Случилась со мной метаморфоза:
Влюбиться, - через столько пропитых лет.

Любви превращения бывают всегда от смятенья.
Сигареты тушу, как солнце гирлянд.
Только белые капли идут хорошо под соленья,
Для сердца они - давно, как спортивный снаряд.

Лишь душа, как потухший на море, маяк.
Не ясное что-то со мной происходит.
Ни дым анаши, ни гашиш и ни мак,
К фантомам твоим с нежностью клонит.

А жизнь, как и прежде: это весла и лодка,
Течений судьбы не всем превозмочь.
Смешал от тоски я пиво и водку,
Мне так захотелось нашим чувствам помочь.

Обними же ты сердце - как мехами баян.
Не нужны мне друзья, и даже подруги.
Тебе богом клянусь, что сегодня не пьян.
Ведь горячка давно взяла меня на поруки.

До сих пор не забыл твой каждый стезжок,
Профиль, анфас неземной красоты.
Собрал кое-как я печатный станок.
Там на всех казначейских билетах - лишь ты.

Это не сон, не сильная доза,
Смотрю на тебя и вижу в ответ.

Случилась со мной метаморфоза,
Влюбиться , через столько пропитых лет.

На всех мы делили скорбную участь

На всех мы делили скорбную участь,
По привычке надеясь опять - на авось.
Нас рассчитали в строю, чтобы выгнать:
На мертвых, живых разделитья пришлось.

В самое пекло, под огненный вал,
Все жертвы войны сошлись за участок.
Завалим без счета телами оврал.
Курганы поднимем из прострелянных касок.

Совсем не беда, что промокла махорка,
О близкой победе напишем родным.
Что на танки в атаку - встаем лишь с винтовкой,
Лучше, давай, от них навсегда утаим.

Прошли по живому проклятые танки.
Клином зашли они в спину и тыл.
Из-под ног мир уходит, когда рушатся фланги.
И все на земле ротный матом покрыл.

Не молчи, лейтенант, ты - Бог войны.
Триста шагов до последней траншеи.
Неужели твои все расчеты мертвы.-
Теперь мы для них, как в тире мишени.

Это котел. Танковый кратер.
Жар опалил рядовые погоны.
За землю свою, за мою Альма матер,

Самородок античный – золотое руно.

Из толщи земной вырвем Грааль,
Чаша сия будет нам к спеху.
Чтоб каждый в походе бессмертен с ней стал,
Сбросим доспехи на пыльную землю.

Придут на подмогу герои Эллады
И Цезарь на штурм поведет легион,
Непобедимой, христианской Армадой,
Возьмем этот город - навечно в кольцо.

Неприступные стены высокой твердыни,
Твою мудрость хранят, седой Саладин.
Все дороги сошлись у вечной святыни.
Цель похода одна – Иерусалим.

Война священная ударила с наскока,
И билась сорок дней у белых скал.
Разбился меч кровавого похода:
Ведь сам Иисус там щит в руках держал.

Погряз, как старец в мыслях и сомненьях

Погряз, как старец в мыслях и сомненьях.
Все пожелать могу - любой запретный плод.
Но, как аскет, ищу в стихах лишения.
Ищу из лабиринта тайный ход.

Без вдохновений разве пишет мастер?
Он вышел на дорогу налегке.
Там в темном переулке, словно гангстер,
Чужую Музу лапает везде.

И тонут пальцы в шелковом белье:
Мадам немного цвет поглуше.
К лицу вам это платье... Но,
Вам без него, пожалуй, лучше.

Она мне заявила: „Я мадмуазель.
Милый друг, будьте деликатней“
В глаза те посмотрел и захмелел.
«Мою прическу больше не лохматьте.»

Мне попадались разные матроны.
Но все они щадили чуткий нерв -
Сам отдавался эхом я на стоны,
Стежал любовь распущенных минерв.

Была от бога дева хороша,
Не знаю, что она себе там мнила.
Но только эта муза из меня
Всю жизнь потом веревки, стерва, вила.

Познал тебя, изменчивая муза.
Вовек мне больше не писать.
Полапать баб, ну в чем, скажи, заслуга?
Мне в глубину бы их....и до нутра достать.

Как автор плотского и жаркого романа,
Мне жаль - имен не сохранил.
Но не пытай меня, - ты не пожнешь обмана.
Ведь Муза - это просто псевдоним.

Любовь без границ

Не знаю всех твоих дел
И это меня тревожит.
Все имеет свой высший предел:
Там ревность в молчании стонет.
Там ревность сомнения множит.
Здесь давно поселилась боль,
Провела по живому границы.
Вспорхнула твоя любовь
Крыльями раненой птицы.

Привет:

Любовь без границ гоню.
Живет пусть, летит, где захочет.
Больше ее не зову:
Небо - дом ее отчий.

К гордыне - к ненавистному богу,
Любовь принесла на алтарь.
Лишь сломить ненавистную волю.
Бросить крылья в бушующий жар.

Только чувство не ведает меры.
Бесконечная высь и ширь.
Ведь любовь - это чистая вера,
А верность - слепой поводырь.

Боль поселилась в сердце моем

Боль поселилась в сердце моем,
Как ночная, дикая птица.
Мы остались в мире вдвоем:
Я тебе брат, ты мне - сестрица.

Кто черпал невзгоды горстями,

Не обидит вовек сироту.
Не будем друг другу гостями.
Хочешь, косу твою заплету?

Ты откроешь все свои тайны.
Споешь мне лучшие песни,
Отступят муки и раны,
Вернутся добрые вести.

Накроешь плюшевым пледом,
Заваришь запыленный чай.
И будешь вареньем и медом,
Весь вечер меня угощать.

Боль свила в сердце гнездо,
Поначалу, как малый наперсток.
И не знал в этом мире никто,
Что был это смерти набросок.

И только под самое утро,
Забилась в рыданиях сестрица.
Ведь сердце мое опустело,
И больше от боли не билось.

Он не херувим

О нем идет дурная слава.
Он не херувим.
Без труда склоняет сразу
Женщин на интим.

В чувствах он совсем не трутень
И не грузный шмель.

Только он в округе крутит,
Мутит липкий хмель.

Виден в нем отцовский дар, -
Говорит молва.
Он выходит на базар
Вечно без рубля.

У него наверно нюх
На безмозглых дур.
Он поет им, как петух:
Топчет глупых кур.

Распыляет свой секрет,
От цветка к цветку.
И не знает слово – нет.
Милый, не могу.

Лишь коллекция его,
Каждый день и ночь,
Умножается легко:
Он всегда не прочь.

И откуда столько сил-
Как сеной лабаз.
Я давно совсем остыл,
На одной устал.

Без работы видно Бог.
Здесь колдует черт.
Это ж надо,- наших баб,
Этим перемочь.

Здесь нечистая свела,

Не видать ярма.
Чтоб за ним любая шла,
Страсть, да задарма.

Я завидую ему,
Этой сладкой доле.
Ремесло его – любить:
Поднимать подола.

Эта любовь выжигала каленым мечом

Эта любовь выжигала каленым мечом,
Беспощадными пытками ересь.
Стала она палачом,
Посадила на железную цепь.

Проливала кнутом кровавые хляби
И не было кары такой под луной,
Так никого еще не пытали: Отрекись,
От недостойного чувства к другой.

Падшей душе не помогут посты,
Когда средства порочные брошены к цели,
И уже не помогут святые волхвы:
Инквизиция духа - не прощает измены.

Свой век еретик доживает не дома,
Не тащится клячей по сырým углам.
Сжигают его, как пламя, солому.
Четвертуют его по жирным кускам.

Ты терзала меня за прежние клятвы.
Но вынесла месть свой приговор:

Колесуем его, чтоб открылись все раны.
Возведем эти мощи на жаркий костер.

Но искусный палач изменил ремеслу;
Не сдержал свой порыв, до конца не изведаль.
Лишь мертвое тело привязали к столбу:
Сожгли на потеху, развеяли пепел.

Я был рожден точь-точь в семь сорок

Я был рожден точь-точь в семь сорок.
Был это вечер - зуб даю.
Просыпал ангел порох,
Подбросил черт искру.

И шнур, как пуповина,
Из чрева весь в дыму.
В аплодисментах взрыва,
Пришел к вам наяву.

Но бабки-акушерки,
Раззявы, - не прошу.
На бис поймать успели,
Артиста на полу.

От этой нежной ласки
Проломленных надежд.
Поклялся жить я в каске,
Носить бронежилет.

Ведь так легко до раны,
Наседки. Ротозеи.

Ну, как тут без охраны:
Кругом одни злодеи.

Но древняя старуха
Подняла грешный плод.
Ему в делах порука.
Из лабиринта - ход.

Она вещала сагу:
Есть мощь в крови дракона.
Попрет земную славу.
Он станет вне закона.

Видать, на нем от сглаза
Зеленый, яркий нимб.
Удача ходит рядом.
Болезнь всегда не с ним.

Над ним летает ангел,
Лукавый бродит черт.
Как белый талисман,
Как черный амулет.

Рассудок мой в плену,
Как выбор пал на двух.
А эти на полу
Делят жизнь мою.

Отступитесь, бога ради.
Вам не сын, не брат.
Не желаю вечной славы.
Никому не рад.

И за Вас и за себя

Постоять смогу.
Провалитесь оба сразу.
В жизнь один иду.

Ты хлеб отрубной вкусишь ...

Ты хлеб отрубной вкусишь великого мщенья.
И затхлой воды выпьешь пробитый ушат.
Вовеки веков не будет тебе исцеленья.
Покуда враги будут лежать - не дышать.

Но черствый кусок не накормит надолго.
Как капле воды не утолить пития.
Ничто не заменит сердцу такого восторга,
Как недруга вырвать из вечной цепи бытия.

Но тайные мысли, как бесшумные яды,
Терпения чашу наполнят до самых краев.
Союзы врагов и даже последних плеяды,
Не сокрушат, совершенных твоих основ.

Соберутся в поход черные стражники злобы,
Всей мощью против тебя одного.
Под знамена свои поставят они народы,
Безжалостные, дикие все племена.

Ударят мечи на тяжелые латы,
Набатов ответят щиты в перестук.
Никто не уйдет от небесной расплаты,
Когда ты и перст, и божеский суд.

Но забудут соседи про старые споры,
Кубок мира разделят они на глотки.
Распрягут лошадей, глаза покроют их в шоры.
И плоть разорвут под лязг, на куски.

Ты хлеб отрубной вкусишь великого мщенья.

И затхлой воды выпьешь пробитый ушат.
Во веки веков не будет тебе исцеленья.
Покуда враги будут лежать - не дышать.

Опять отправился в поход

Опять отправился в поход
Не сломленный веками Дон-Кихот.
И друг всех приключений и проказ
Оруженосец верный Санчо-Панс.
Под пыльным небом, среди скал,
Судьбу твою разделит Рассенанд.
Испанский гранд, среди вельмож,
Идальго мой - на них так не похож
Он мчит с копьем наперевес,
Мой Дон-Кихот опять один за всех.
Рыцарь чести, грусти и печали,
Ты путь мой освятил в начале.
Все образы твои и идеалы,
Судьбой моей однажды стали.
И пусть борьба против ветрил
Тебя оставила, мой Дон-Кихот, без сил.
Но, как и прежде - дух не стал слабей.
И нет прекраснее избранницы твоей.
Ведут по свету разные дороги,
Пусть не всех нас ждут с любовью боги.
Но путь один... всегда хорош,
Когда его ты рыцарем пройдешь.
Опять отправился в поход
Не сломленный веками Дон-Кихот.
И друг всех приключений и проказ.-
Оруженосец верный Санчо-Панс. ...

Вечную память пели святые

Вечную память пели святые:
Голодные, нищие, калеки, больные.
Каждый в руке держал, как свечу,
Свою непутевую жизнь на ветру.
Стояли они, как усталые звери,
Как будто стучались в открытые двери.
Жались телами, как искры тепла,
Что еще не истлели, горели слегка.
Тихо прощались с почившим собратом,
А может, со всем человеческим царством.
Ведь так нестерпима любая утрата.
Для грешного сердца не подъемная кара.
Затаили дыхание лики святых.
Они тоже явились из мира живых.
Стали слезами мироточить иконы.
Тени упали. Забили поклоны.
Будто опять наступила вечеря,
Сели святые за стол угощенья.
Ангелы плоти, Апостолы духа,
Как никогда стали ближе друг к другу.
Хлеб преломили, виноградную кисть, -
Обретут только грешники вечную жизнь.
Кто чашу страданий выпьет без меры,
Вернется однажды к незыблемой вере.
Пройдут лишь они сквозь бури и тернии,
Выйдут князя из нищенской черни.
Вечную память пели святые;
Голодные, нищие, калеки, больные.
Лишь в мерцающем свете, как истинный царь,
Бросал свои тени сусальный алтарь.

Невод бросил в воду Создатель

Невод бросил в воду Создатель,
Но улов потянул за собой.
На помощь пришел старатель,
Он на жизнь промышлял гарпуном.

За это великое дело
Господь пожелал наградить.
Мне бы только наколку на тело:
За собой океан застолбить.

Сдвинул Спаситель брови
От наглой его болтовни.
Капля Создателя крови,
За толщи соленой воды.

С самого первого вздоха
Всем ты обязан лишь мне.
И даже пробитая лодка –
Только щепка в железной руке.

За эти крамольные речи
Тонуть тебе без конца.
Не залатать кормовые течи,
Не связать морского узла.

Страдать тебе навсегда,
На всех ревущих широтах.
Вахту стоять без конца,

Висеть на сорванных шкотах.

Проклинаю морские походы,
Под парусами и вплавь.
Станут все твои мореходы
Живую платить мне дань.

Не сойти тебе больше на берег,
Могилой станет волна.
Не дожидаться тому, кто верит,
В возвращение с самого дна.

Не отвел он тяжелого взгляда,
Повеса, старатель-моряк.
Это цена, что надо.
А смерть - это только пустяк.

В мою душу вдохнули моря
Солью пропитые дали.
И еще янтаря, якоря,
Заливов жемчужные грани.

С тех пор по морскому уставу,
Как сторож обходит дома,
Старатель проходит по праву
Все владенья свои. Закрома.

Пилигримы

Кто рассказал мне этих странствий сказку?
Поведал кто? Безжалостной рукой
Без сна оставил он и ласки,
Из дома выгнал - на нищенский постой.

Он знал: для сердца этот голос
Однажды прозвучит и не умрет.
В мой скудный мир ворвался звездный космос –
Дорог всех неисхоженных восторг.

Привет:

Я прикипел душой к устам незримым.
Они мне нашептали как могли.
Я курс , куда лишь пилигримы
Отважились направить корабли.

Иду к Вам на подмогу, пилигримы.
Пусть бедствие несете на морях.
На рейде только продержитесь.
Я к вам уже спешу на всех ветрах.

А голос тот, - он наставляет снова.
Как будто он мне стал поводырем.
Там моего в тиши не досчитались зова.
И мрак еще не побежден огнем.

Пришли ко мне обещанные силы.
И на куски разорван жалкий страх.
Мои собратья, сестры-пилигримы.
Мой голос рвется и дрожит за Вас.

Заплету паруса, словно косы

Заплету паруса, словно косы,
Отойдет от причала любовь.
Без ответа оставлю вопросы,
Как канаты бессмысленных слов.

Подниму из глубин древний якорь,
Старых пушек открою порты.
И не надо, пожалуйста, плакать.-
Здесь трюмы мои бесконечно пусты.

Снова брошусь в заморские дали,
Как в пучину сердечных недугов.
Может там еще ожидают.
И радости встреч берегут.

Там невинна любовь и легка
И счастье не ропщет от скуки
Там однажды сольются уста,
И забьются крыльями руки.

Спустит сердце серебряный трап,
И на остров в седом океане
Спустит сердце серебряный трап.
В заливе совсем без названий.

Сожгу все свои корабли,
Как дань былому ненастью.
Расплету паруса для любви.
На твое подвенечное платье
Когда слышу – снова ноябрь

Когда слышу – снова ноябрь,
Пробирает какая-то дрожь.
Опять этот холод, черная слякоть, бр...
В душе нескончаемый дождь.

Пожелтевшие листья, как письма,
Разбросает хмельной почтальон.
Поплывут календарные числа,

С грустью моей в унисон.

Будут долго стучаться в окно,
Как неожиданные гости, капли.
Заколочено будет окно,
До весны опущены ставни.

Как плети ударят в лицо
Под ветром упругие ветви.
И станет от розг хорошо,
Эти шрамы и боли, как в детстве.

Обниму пальцами четки,
То ли выпавший снег, то ли град.
Заблестят все лужи, как стопки,
Как полный, граненный стакан.

Всю не пройти эту ширь.
Без сапог - нет в мире ходу.
Да и те, под тяжестью гирь,
Как души увязнут по бездорожью.

Как заглянуть в такую грудь

Как заглянуть в такую грудь?
Судьба, раздай мне карты в покер.
А там, хоть мертвым сном уснуть,
Ведь я - игрок. Ты - только джокер.

Привет:

Она такая, вся такая,
Идет по коже моей рябь.
Бывает жизнь совсем другая:
Там женщины всегда на „-ять“.
Она богиня вся нагая,
Вершит свой скорый, честный суд.
Повремени с ним, дорогая.
Ведь ты - постель. Я - тяжкий труд.

Как задержать мне эти ноги.
Такие бедра без табу.
Я – как наездник на дороге.
Ты - необъезженный табун.

Мы Дездемона и Отелло.
Еще чуть-чуть и я банкрот:
Ведь я - душа. Ты - только тело,
Зовет к тебе порочный рот.

Мне все с тобою благодать,
Пусть головой здесь крутит шея.
Ведь так нельзя тебя желать.
Я - тонкий лист. Ты - корень мой женьшеня.

Здесь у самой полости рта

Здесь у самой полости рта,
Из сословий униженной касты,
Рвущая к небу, аорта
Прорвала земные пласты.

Она проползла, как змея,
Сквозь зубные ряды частокола.
Это гидра всего бытия
Раздавила кольцами горло.

Она двинулась пятой колонной,
Маршируя по всем площадям.
Под бой барабанных, моих перепонок.
Плетью прорвалась к щекам.

Голубая, жгучая сила,
Забилла, как сильный фонтан.
Она старую кровь распустила,
Подобралась к шумным вискам.

И всеильные некогда ножны
Не сдержали удара клинка.
Обездвижев все мои нервы,
Мудрость и сталь языка.

Но жало не стало речью,
Как глазное око без дна.
Красота не скрыла увечья.
Ведь с рожденья аорта нема.

Здесь у самой полости рта,
Из сословий униженной касты,

Рвущая к небу, аорта
Раскроила земные пласты.

Есть во мне скрытая жила

Есть во мне скрытая жила,
Кто-то скажет: ржавеющий гвоздь.
Старый горб, рабочая грыжа.
Только жила моя - это злость.

Есть во мне скрытая жила
Исполинских, девственных буйств.
Непонятная, дикая сила,
Неизмеренных муками чувств.

Есть во мне скрытая жила,
Что хранила всегда от беды.
Из огня она выносила,
Спасала из толщи воды.

Есть во мне скрытая жила,
Неоплаченный дар или грех.
Наставляла украдкой, учила:
Зубами карабкаться вверх.

Есть во мне скрытая жила.
Не чета хрупкой кости.
Всех врагов она схоронила -
Без единого слова: прости.

Есть во мне скрытая жила.
Непреклонный и строгий судья.
Она душу мою оскопила,

Стянула в кровь удила.

Есть во мне скрытая жила.
Кто-то скажет: стержень и прут.
Гнутый крюк, острые вилы.
Но кажется мне: это жгут.

Есть во мне скрытая жила.
Кто-то скажет: ржавеющий гвоздь.
Старый горб, рабочая грыжа.
Только жила моя - это злость.

Возведите меня на костер

За то, что был в жизни матёр,
Не молил на коленях пощады.
Возведите меня на костёр,
Поднесите огонь из лампы.

Подвесьте без страха на дыбу
На самый длительный срок.
Прощаю земную обиду
Нежным реквием строк.

Предайте меня палачу
За все неудачные вирши.
За грешный талант плачу -
За все сокровенные мысли.

И пусть небесная кара
Меня не пройдет стороной.
Только не эта опала,
Когда не в ладах сам с собой.

Бросаю в пылающий жар
Одну за другой свои пытки.
Но сердце вторит: не жаль.
Теплым пеплом покроются свитки.

Не в силах разрушить печать.
Неужели все муки напрасны?
Все возьмите, оставьте печаль.
Мы с ней друг без друга, несчастны.

Цезарь

Он был не ученый урка,
Не блатной, не в законе.
Не делил с чужими окурка.
Свободу чеканил на зоне.

Не искал, сторонился охраны.
Был как в горле острая кость.
Ему стрелку забили паханы
В самый рождественский пост.

Они говорили о строе,
О незыблемом вечном пути.
И все на чистом жаргоне,
Что воры - всегда соль земли.

Дали странное имя – Цезарь.
Генеральский накололи погон.
Только все это, чтобы зарезать,
Под товарный столкнуть вагон.

Толкнула братва два закона.
И жизнь разменяла, как вещь.
Тот, что око - всегда за око.
И вечный - хлеба и зрелищ.

Судьба изменилась так круто.
Как шило сквозь сотни рогож.
Не иначе - наследники Брута -
Взялись блатные за нож.

Свою боевую фалангу,
Собрали в жестокий кулак.
Прошли по левому флангу -
В сердце наметив удар.

Он скользит, как по лезвию бритвы,
Его жребий брошен давно.
Он встал у истоков битвы,
Как Цезарь... за свое ремесло.

Вот так же стоял у колонны
Диктатор, сраженный клинком.
Только предсмертные стоны
Не услышал его легион.

Он принял атаку по фронту.
Но зашли они со спины.
Дорогу отрезали к трону.
Но Антония нет здесь вины.

Убиенных мощи не сразу
Опознали из тысячи тел.
Умер Цезарь. -Да здоровствует Цезарь!
Он сам смерти в глаза посмотрел.

Дева Баллада

Когда не в силах больше молитва,
Сдержать в душе ледящий страх.
Парит сердце по лезвию бритвы,
Раненой плотью, в убойных рядах.

Нет спасения больше от мора.
Наполнен воздух тлеющим смрадом.
Разум людской покачнулся восторгом.
Стал саван самым практичным товаром.

Задымят, загорятся костры
Из глубин ненавистного дна.
Кто-то скажет: волхвы не пришли.
Мир людей позабыт навсегда.

Но покроют все сущее мифы,
Мир сокрытый прекрасен подчас.
Темноокая жрица и нимфа.
Лишь Баллада выведет нас.

В страну непролазного света,
Где не будет места гробам.
Там забудутся раны и беды.
И ложь обличат по глазам.

Воздастся каждому делом,
За поступки его и дела.
Назовет она смелого- смелым.
Друга отличит от врага.

Как глоток чужого успеха,
Как рубленный щит тяжких битв.
Там снимет Баллада доспехи,
Обнимет пальцами гриф.

И с сокровищ древнего клада,
Ветер поднимет алмазную пыль.
О прошлом споет только дева-баллада,
Как добрую сказку, как древнюю былль.

Бежать под сень чужого свода

Бежать... В какую даль
Мне все равно и все едино.
Лишь бы сердечную печаль,
Унять в скитаниях равниной.

Бежать под сень чужого свода,
На изумрудные брега.
Где слов ее не будет. Зова.
Где успокоится душа.

Туда, где взор ее пленимый,
Не долетит за сотню лет.
Где демон жизни сердцу милый,
Не призовет обратно вслед.

В пустыне, опаленной зноем,
Судьбы печальной, бег остановлю.
Ужели там, убитый горем,
В другой любви однажды оживу.

В порыве гнева

В порыве гнева
Ей горько кричал.
И страстно, и нежно,
Жених целовал.
О, как они долго
Терзали устами
Душу мою ,
Без конца распинали.
Там полные кубки,
Не знали вина.
Стекалась в них кровь,
Где сгустилась она.
Им подали красный,
И сладкий кисель.
Лишь он приголубил,
Как злобный кистень.
Раной мне молвил,
Как свадьба грустна.
На что тебе кожа?
Пойдет на меха.
Но, мало глаголет:
Как скуден здесь пир.
Отдай свое сердце.
Да, насытится мир.
Но шопот зловещий
Пустил всюду слух:
Он был господином
Но ниже уж слуг.
И брачное ложе,
У них из кости.
Ключицы и ребра,
И позвонки.

Где-то к полуночи,
Сняли венец.
Подали белый
Расшитый чепец.
В саване белом
Черствая совесть.
Так и померкла.
Грустная повесть...
Им взбили перину.
Задули свечу.
Но сталь не уснула.
Нет дела врачу.
Священника утром,
Искала толпа.
Приход не открылся.
Богу хвала!

Он - дикий нарвал

Плачьте. Плачьте.
Люди же вы...
По тонущей мачте
В гребне волны

Виден еще он.
Нет, не погиб.
В яростной схватке,
На гребне парит.

Бушует стихия,
Зверем ревет.
Последние снасти
Ветром несет.

Вот и опять -
Волна набегает.
Полно, вода. Уж,
Корму заливает.

Снова пучина
Штурмует борта.
Штормом измучен -
Не жалует дна.

Сдаться на милость?
Покорно лечь в дрейф.
Судьбы дожидаться?
Славный был рейд.

Но нет , его нрав,
Видать не таков.

Он дикий нарвал
И сталь гарпунов.

Что было сил
Он рванулся к скале.
Несломленный, гордый
В великой борьбе.

Судьбою немногих,
Он пал на краю.
Чтоб вынесло время,
Песню мою.

Ах, почему я не звезда?

Лишь день погас, на черный свод
Взошли свидетели немые.
Чтоб снова повторить полет
Из бездны в бездну, как святые.

Там разум мой, склонившись ниц,
Их видел быстрое движенье.
Тех рьяных, легких колесниц;
Послушных яркому созвездию.

Ах, почему я не звезда?
Не знал бы мира я иного.
Блуждал, блуждал бы до утра -
До первого луча светила золотого.

Я разделил бы все пространства,

Своим сверкающим лучом.
Презрел бы страсть и постоянство.
Холодным идиолом веков.

Я б жизнь земную созерцал,
Вдали от суетного света.
И властно в тишине мерцал,
На зов далекий без ответа.

Во тьме ночной спешит лишь путник

Во тьме ночной спешит лишь путник.
Куда? Зачем? Его стопа,
Нешадно камень спящий мучит.
Скользит предательски тропа.

Куда укрылся хладный месяц?
Я видел, шли вы с ним вдвоем.
Иль тот подъем так крут и тесен.
И так глубок сырой каньон.

Лишь где-то дальним камнепадом
Свой сладкий сон встряхнет вершина.
Но путь твой долог, чтобы падать.-
Поверь, откроется долина.

Какая ножка

Не знаю вас... Какая ножка,
Вдруг непременно привлечет.
А я схожу с ума от бойкой,
Что в танце с легкостью несет.
Бывало, что за кружевами платья,

За складками мелькнет она.
И взор ее пленял, другого счастья
Уж не искали трепетно глаза.

Лишь ей послушный каблучок,
Порой отделявал такие выкрутасы.
Где я, совсем не новичок,
С ней выглядел служителем священной рясы.
И если я тогда, признаюсь,
Кружил искуснее других.
То я нисколько в том не каюсь:
Все для намерений благих.

Вечные странники

Вечные странники,
Ветром гонимые.
Ордой не плененные.
Царям не служивые.

Империям не подвластные:
Ни российские, ни отоманские.
Как время державные.
Сильные, равные.

Я червь

Я червь, давно открыт мне смысл,
Круговорота этих мидий.
Одна испытанная мысль:
Вершиной быть земных событий.

Венец природы, баловень судьбы.
Высокая, божественная тварь.
Но помни, всяк несущий головы.-
Уже готов твой смертный ларь.

Пусть череп мясом обрастает.
Глазницы светятся порой.
И теплый мозг извилиной страшает.-
Но знаю я - уже ты мой.

Глаголю я: до всех мне дело,
Земля бы только приняла.
Одну деталь, связующее тело.
А там уж очередь моя.

Эй, погост

Эй, погост.
Пью за тебя.
Последний мой тост
До самого дна.

Что умолк, что уныл.
Ждешь ты тоста второго?
Как не крути, мне ты не мил.
Ну, разве еще хмельного.

Я б еще пригубил,
И пил бы допьяну.
Многих сгубил,
В живых не оставил.

За бессмертную душу

Выпью я - стоя.
Не боись, не нарушу
Гробового поста.

А знаешь, с тобой,
Погост, не брататься.
Ну, кто ты такой,
Чтоб со мною равняться.

Лучше я выпью,
На брудершафт.
Пошел ты к черту,
Могильный ландшафт.

Зачем мы были сведены

Зачем мы были сведены?
Два жребия земных в одну обитель.
Зачем закон безжалостный судьбы
Нам подарил одну погибель?

Он право выбора не дал.
И, наслаждаясь своим взором,
Уже он видел: кто-то пал.
Другой покрыл себя позором.

Как чуткий вор, в чужих глазах,
Искру искал он жалкого смятенья
И представлял в безудержных тонах.-
Все это всем, но только не паденьем.

Он мнил себя достойным, чище.
Как провидение святое.
Он видел здесь двух духом нищих,
Верша деяние святое.

Он ждал лишь зова, чтобы с ним
Слететь как ворон на погибель.
Уж жертву видел глаз один,
Другой взирал, как хладный зритель.

Когда бы знал он расставанье
Холодный страж немых небес.
Что все едино, все страданье,-
Он не откладывал б конец.

С чего начать, в недоуменье

С чего начать, в недоуменье.
Кому же строчку посвятить?
Быть может духу просвещения,
Пером смогу я услужить!

Хотя сказать, с моим ли даром,
Возможно это сотворить.
Все решено, пусть этим правом
Мудрец закон свой огласит.

А может праздности и лени,
Свой стих надменный начертать,
Что так способствует томленью?
Чур, рифмой слова не слагать.

Как девы взор меня пленяет...
Довольно прелестей твоих.
О, Муза, снова изменяешь,
Играя с кем-то из живых.

Прости меня читатель верный,
Что обрываю свой рассказ.
Пролог и так довольно скверный.
Что с дамой сделаешь? Отказ.

Живи, как будто день один

Живи, как будто день один,
Один тебе остался.
И кто-то с неба уж велит.
В дорогу собираться.

Остались долгие часы,
А с ними наслажденье.
Так поспешим, пока вольны,
Черпать воображенье.

Где чаши полные вина
Вокруг стола сольются.
Где девы чистые шелка
Под взором разойдутся.

Где ропот вечный херувима
Не опечалит плоть.
Уж лучше спать под балдахинном,
Чем розгами пороть.

К лицу ли мне тот белый саван.
И хладный плащ веков.
Пусть он сгорит, объятый лавой,
От наших языков.

Сподобил бог святую рать,
Сокрыл тела под рясой.
Кто больше согрешил, - ты хочешь знать?
Тогда за мной, за вечной славой.

Тебе скажу, мой весельчак,
Ведь говорят за правду.

Готов ты даже натошак,
Взывать земную ласку.

Тогда в трактир, кошель твой туг.
Употребим его на счастье.
Казну церковную на люд,
И на святое, чистое причастье.

Ну, что не весел - „бес попутал“.
О, лиходей, но не грусти.
Тут сам Христос не долго б думал,
В ухабах страстного пути.

За все грехи прости его.
А мне пора ложиться.
Ведь сам ты видишь - рассвело,
И я порядком износился.

О, лицемерие, - венец искусства

О, лицемерие, - венец искусства.
Какое сердце у тебя?
Когда уста, святые чувства.
А в нем холодная вражда.

Дитя тщеславных намерений,
Ты жалишь из покон веков все тем,
Соблазном сладостных видений,
Великим смыслом, незыблемостью дней.

Ты - Вавилон язычных поклонений.
Слепая вера - признаки твои.

Вы, первые слагатели сомнений,
Свергатели закона и судьбы.

Таи, скрывай покуда силы.
Ведь каждый день тебя вершит.
Теперь ты равно Властелину.
И он твой слушает вердикт.

И гений - твой утробный сговор.
Достойно все, лишь шаг вперед.
И пусть лакейский жалкий повод
Тебя к вершинам позовет.

Лишь перст твоих коснется поцелуй,
Тлетворных уст тебе не обнаружить.
Ведь так услужлив голос: аллилуй.
Обрушенный, его так сладко слушать.

Но оглянись, твои ли слуги?
Кому поют они хвалу.
И чьи затоптаны хоругви!
Кто присягнул заклятому врагу?

Прими меня под сень свою

Прими меня под сень свою,
Уединенный край.
Чтоб разделить печальную судьбу,
Мой возделенный рай.

Я камень в сердце затаил.
Прости, что раньше не открылся.
Что никогда тебе не посвятил.

Я лирой сладостной забылся.

Но в сердце был лишь ты один,
Один благославенный.
К тебе вернулся пилигрим.
Прими его, мой незабвенный.

Пускай не блещешь ты красой.-
Но тем ты и дороже.
Что жизнь наполнил так мою,
Когда я был моложе.

Там юность по твоим брегам,
Мечтала: скоро день грядущий
Немедля созовет к своим рядам,
И силой жизнь наполнится цветущей.

Прошли так годы. Жизнь прошла,
Судьбой изменчивой измучен.
Сверкнувшую, сгоревшую дотла,
Уж не ищу звезду, ее блуждающих излучин.

Но нынче бранные останки
С сырой землей, ты примири.
И крест удельный, крест печальный,
С тоской над мною водрузи.

Давно мой разум ищет тленья

Давно мой разум ищет тленья,
Но снова радует меня.
Ведь в нем одном все устремленья.
Гордыни вечная стезя.

Что слово мира для него.
Его хвалебный, злобный кубок.
Как пить устами дряхлое вино,
Где яд бессилён: слаб и муток.

Как на ристалище тупым копьём,
Щита чужого с лёгкостью касаться.
И головой врага, украшенным конём;
Галопом крови не промчаться.

Как беспощадна его мысль.
Она, вздымая гнев могучий.
Не знает слов „остановись“.
Судьбы себе не ищет лучшей.

О,если бы его мечтанья,
Не истину пытали в тишине.
В них не нашел бы ты страданья.
Печаль зловещую во мне.

Он бросил бы на поклоненье,
Лишь сея смерть и пустоту,
Знаменья черные из заточенья,
Вонзил, как меч, в безгласую судьбу.

Не потому ль его твердыня
В борьбе не ведаёт мольбы.
И несравненная гордыня
Презренна голосу толпы.

Я снова плакал в тишине

Я снова плакал в тишине,
И только звезды, только звезды
Мне утирали их во мгле.
И улыбалися, как сестры.

Печально мутная луна
Скользила там в ладье небесной.
Ее тончайшая струна
Мне сердце усладила песней.

Призыв твой к смерти, странник милый.
Мне ранит душу, как тогда,
Когда любовь еще бессильна
Прозреть свой путь через года.

Стезя гордыни. Лишь она
Воздвигла стены неприступно.
Была я с ним в словах вольна,
И холодна и так бездушна.

Тот взор печальный, будто снова,
Я вижу в горестных слезах.
Вы с ним родны тоской былого,
Бессильным гением в мечтах.

Как робко льнул к моим коленям.
Покоя жаждал возле рук.
Я ж ложе выстлала камнем.
Но он уснул, устав от мук.

Лицо, как будто, прояснилось,
Забрезжила улыбка на устах.
Так сердце с духом разминулось,
В забвеньи тяжком и слезах.

Но чуткий сон прошел, он пробудился.
Дитя , не понимая, что и как.
Он вдруг всем телом содрогнулся.
К страданиям новым прикоснулся.

С тех пор не видела его,
Но говорят во мраке бездны:
Рассыпан свет, идущий далеко,
Серебряной, хрустальной нитью всплеска.

Я знаю, верь мне, это он.
Бессмертный дух его витает.
В своей любви он не спасен:
Спасенье ближнему желает.

Я снова плакал в тишине,
И только звезды, только звезды.
Мне утирали их во мгле.
И улыбались, как сестры.

Все реже мысляю я терзать

Все реже мысляю я терзать,
Как прежде: тягостно и смело.
Твой образ дивный надзирать,
Душой своей осиротелой.

Как ты влекла небесным светом.
В тебе блистал он за двоих.
Но страсть твоя была лишь снегом
На углях ревности моих.

Но плакать не умеет камень,
Когда вода его дробит.
Когда съедает жуткий пламень.
И ветер точит. Он молчит.

Ты легкокрылой тенью снова,
Нести страдания вольна.
Придет расплата, пусть не скоро.
Пусть время отомстит сполна.

Нет. Не кляню в молитвах страстных,
Мне предпочтительней та речь,
Где все страдания напрасны,
И где бессильна сердца желчь.

Белый крест

Средь неезженной дороги,
И нехоженной тропы
Мне изнанник повстречался,
Всем забытой стороны.

Белый крест в пустыне дальней
Я увидел на холме.
Одинокий и печальный
Стоном он призвал к себе.

Звал он только на минуту,
Чтоб дыханием объять.
Лишь развеять мою скуку –
Душу инока понять.

То песком, как погремушкой,
С ветром миру возвестит.
Над моей судьбой-полушкой
В скорби мига загрузит.

То потом замороженно
Так смотрел в мои черты
То с надеждой, то покорно
Обращал ко мне мольбы.

Словно жаждал прикоснуться
Плотью раненой к стопам .
То немедля обмануться
В тишине людским шагам.

И глазами, так блаженно,

Что-то силился сказать:
Путь ли мой благословенный
Так пытался оправдать.

На мое „прощай“ уныло
Бросил мне последний взор.
Так пуста ли та могила?
Кто там дремлет до сих пор?

Только проклят был виденьем,
Тем иссохшим и больным.
Тем двухмерным сочлененьем -
Криком страшным уст немых.

Когда не встретил бы тебя

Когда не встретил бы тебя,
Я жил бы тихо без страданий.
Не зная хлада и огня,
Страстей безумных и желаний.

Я стал мерцающей звездой,
Чей млечный путь далек от мирозданья.
И жил бы только сам с собой,
В плену высоких созерцаний.

И жизнь моя бы протекла,
Без клятв, без вызова стихии.
И сталь бы в ножнах умерла,
Не слыша зова бранной силы.

Тебе послушный нынче, рок
Пути иного уж не ищет.

Как не ищи ты этих строк.
Кто присягнул уже не ропщет.

Даруй нам, Боже, славного врага

Даруй нам, Боже, славного врага,
Тевтонских орд тех пеших, конных.
Чтоб снова Русь изнемогла,
Призвав сынов из градов стольных.

Уж лучше он - чем кровный брат.
Пусть с моря к нам придет погибель.
Дружин самолюбивых, тех варяг:
С драконьей пастью и хвостами рыбы.

О, Новгород Великий, буйных вече
Последний северный оплот.
Ты глас свободной русской речи.
Падет к ногам могучий флот.

О, Азия, восстань из пепла,
Свой желтый клык начисти добела.
И снова станом раненого вепря
Пройдись, Великая и малая земля.

Пусть Киев ляжет под ударом,
За ним Владимир, Суздаль, Тверь, Ростов.
Распятые набегом Чингисхана,
Они опять воскреснут из низов.

Руби послушным ятаганом
Необозримые поля.
Не верь и двум смертельным ранам.
Не то - заплатишься сполна.

Где вознесенный, шляхта, твой топор?

Той королевской, нежной длани.
Быть может соберется вновь собор,
Забыв раздоры для священной брани.

ЛжеДмитрий твой ужель покинут?
Иль опыстылела Москва?
Пройдут года и Кремль поднимут,
И вознесут под небеса.

Но ты, предчувствуя Петра,
Сражений явных не желаешь.
И что я вижу? Письмена -
Ты вечный мир ей предлагаешь.

И снова недруги толпой
К твоим святыням устремились.
Ушел один, взошел другой.
Нет - двое их. Они объединились.

Московия. Когда бы этот рок
Тебя преследовал, я был спокоен.
И сам врага бы предстерег
В безверии языческого лона.

Я не боюсь твоих крещений,
От них повергнута, ты восставала вновь.
Спаси лишь, Бог, тебя от искушений,
Пролить святую брата кровь.

Зачем все это?

Зачем все это? Этот день:
Восторженный, ликующий и юный.
И эта голубая сень
Восходит пурпуром причудным.

Почто ключом желанной влаги
Родник к земле с мольбой приник.
Чтоб где-то там, через овраги,
Трясиной черной он возник.

Как этот лес в оцепененье
Под солнцем радовал меня.
Так в час ненастья, соком тленья,
Печалью напоил сполна.

Ужели в этот знойный миг,
О, тень, меня ты покрываешь.
И этот смех, и этот лик
За брренное согласие принимаешь.

Блажен, кто с чистым сердцем ...

Блажен, кто с чистым сердцем предков чтит.
Должно быть есть такие - гордые вельможи.
Мне ж нечем хвастать, да и за что любить
Холодное, униженное ложе.

Холопы, жалкие лакеи,
Ничтожной светлости рабы,
Блаженные младенцы, лицедеи -
Покорные искатели судьбы.

О, равнодушные, судьбою мира
Возможно ли подняться вам?
Объедки доедая пира,
Вы сами шли к другим столам.

Не зная чести, славы, крова,
Вы бойней были для других.
Воскресните, как жаждали позора, –
И в тот же час умрите снова.

Все, до двенадцати колен,
Кто в пору смуты, лихолетья,
Другому роду присягнул,
Не в силах сам потрясть столетья.

О, где же славные литавры,
Тот шопот скрещенных мечей.
И герба опоясанные лавры,
И сотни, тысячи людей.

Чем титул герцога не вровень?
Ведь ствол и ветви лишь потом.
Сначала был злодейский корень,
Что кровью и костями взошел.

Где голос тех развернутых знамен,
Дружин на солнце величавых.
Где то одно, из тысячи имен.
С Всевышним на устах для смертных - равный.

Пусть сотню раз ты был пленен,
Союзником оставлен и растоптан.
И вечными невзгодами стеснен,
Но муку предпочел всем стонам.

Молчал. В тисках опального закона,
Гоненья приняв, гордою стезей.
Ужели пот твой я не вытер бы. Не подарил поклона.
Твой эшафот не оросил слезой.

Как сладостна была бы месть
Наследников, взывающих к расплате.
Но ты лишил их права умереть,
Или карать достойными руками.

Судьба, как ты несправедлива.
Даруя право появлением на свет.
То отдаешь с рождения дофина,
Чего мне не достичь и в сотню лет.

Чем провинился я ? Что ты другого,
К сияющим высотам позвала.
Когда бы в нем хоть искра золотого,
Бессмертного огня жила.

Он мертв. Как вырождающее семя,
Борьбы не ведая гниет.
Как снова на руку играющее время,
Спасения былого не несет.

Довольно, разум, спать. Восстань.
Священной цели стань истоком.
И в восхождении избавь
От поклонения к пророку.

Во всем ищи врага, что окружает,

Неси печальное чело

Нет, не найти успокоенья.
Я в этой жизни не жилец.
В моих усталых песнопеньях
Мне виден траурный венец.

Но не страшусь, ведь так давно,
Сам в тайне призывал его.
Ужели отрекусь, когда легло.
Неси, носи печальное чело.

Он дан судьбою на погибель.
Кто знает, может быть
Он приоткроет ту обитель
Трудов моих, где будет жизнь.

И где усну так безмятежно,
Отдав свой дар, всего себя.
Ужели это невозможно?
Ужели вечный странник я?

Уже недолго мне осталось

Уже недолго мне осталось
Влачить постылые года.
Ведь крест давно уже, как радость.
Как милость, хладная плита.

Что может новый день мне дать?
Какой мне дар преподнести.
Все то же чувство: так страдать.
Пресечь не в силах суеты.

Как тяжко думать: жалкий след
Немой волною будет смыт.
По истеченью малых лет,
Не то что имя, век забыт.

И был ли тот заветный луч,
Блеснувший мне из-за лазури.
Погасший свет в объятьях туч,
Как вестник пред зловещей бурей.

Сердцу милое дитя

Сердцу милое дитя.
Зачем спросила ты меня?
Вся сверкая синяками,
Подбоченясь кулачками,
Локоном растрепанных волос,
Родился смешной вопрос.
Что внутри меня живет?
Кто так ласково поет?
Не смолкая днем и ночью,
Может быть, когда воочью
Мне б на миг его увидеть.
Мало, мало только слышать.
С ним бы встретиться хоть раз.
- Говори, ведь этот час.
Не грозит не послушаньем.
Как хотел бы я признаньем
Холод снять с твоей груди,
Но ответа ты не жди.
Кабы знал, хотя постой;
То душа, мой друг, она.
Гнездо, как ласточка, сплела.

Она с рождения до смерти
Погружена в твои надежды.
Она то плачет, то смеется,
То вдруг уснет и не проснется.
Тогда буди ее сильней
Мольбою, нежностью своей.
Ты говори, увещевай,
И, как подруга, с ней страдай.
Страдай безумно, чтобы дни
В тоске бесцельно не прошли.
Сокрой ее от взоров падших,
Но их люби любовью младших.
Вселяя веру с чистотой,
Они поднимутся с тобой.
Лишь улыбнулась мне она
И слабой ручкой обняла.
И робких душ прикосновение
Я ощутил в одно мгновение.

.....Минуло года полтора,
Но как сказать, что умерла
Та птаха, в тех ветвях земных,
В укорах бранных и немых.
Теперь лежит она одна,
На дне забытого гроба.
Как лучик в царствии теней,
Нет тельца хладного ценней.
Зачем я веру поселил?
Кто изначально был без сил,
Его легко мольбой сломить:
В борьбе стихий ему не жить.
Услышь, я посмеялся над тобой,
Душа во плоти, как изгой.
Два существа непримиримых,

Одно живет - другое ждет кончины.
Но как сейчас они похожи.
Сплелось коварство с черствой ложью.
Ну, как тебе здесь разобраться,
Что не было, не будет счастья.
Одно есть в мире благоденство,
Когда душа впадает в детство.

Снова мы гладиаторы

Снова мы гладиаторы,
В миру рабы.
Ублажаем скуку сенаторов
Под тысячный рев толпы.

Как кость брошен на съеденье,
На расстерзанье этих глаз.
Ну, что тебе мое исчезновенье.
Как груды мяса у хищных лап.

Идущие на смерть приветствуют тебя!
Мой Цезарь, слышишь заклинанье?
Мне не прорвать преторианскую стену,
Мечом не отплатить за все страданья.

О, Зевс, ты глух или ослеп.
Довольно же, расстанься с лаской Геры.
Не слышишь разве - негодует плебс,
Он не познал всей плотской меры.

Такая бездна поглотит океан,
Не зная пресыщения, лишь только голод.
И что Эллада, - Галлия, Месопотам -
Все мало. Повсюду вездесущий ропот.

А может ты все тот же плод,
Послушное дитя владыки мира.
Ты верный страж, неприкасаемый оплот,
И ты не выдашь, знаю, Рима.

Умри же с ним, заоблачный Олимп,
В одном кровавом жертвенном потоке.

Что блеск твой прошлый, хороводы нимф.
Перед трубой в том роковом походе.

Из всех дорог небесный Отче

Из всех дорог небесный Отче
Ты выбрал мне уже одну.
Ту, что на три шага короче.
Ту, что ведет меня к концу.

Не осушить страданий чашу
Глотками ветреной души.
И пусть она от счастья плачет,
Ведь мы с тобой давно - на „ты“.

И пусть забвенье станет мукой
Не искупленного греха.
И все пройдет, пройдет разлука.
И беды канут в небеса.

Возринут крест. Ты видишь, Отче,
Сладчайшей мукой для раба
Твои натруженные руки -
К ним прикоснуться навсегда.

Роза пустыни

Под солнцем палящим,
Близ мертвого моря,
Роза пустыни
Взошла Иерихона.

Диадемой рубина,
Песка золотого,
Алмазом бескрайним,
Иудейского взора.

Я тебя приглашаю на шабаш

Я тебя приглашаю на шабаш.
Сбрось же иго библейских стремнин.
Пусть ты смиренен и набож,
Нынче праздник больших именин.

Нынче дух казематного плача,
Справляет столетье свое.
Ты придешь ничего не знача,
Поклониться и выпить вино.

Решайся, судьба благосклонна,
Прильнув к его липким перстам.
Тебя оградит он возможно,
Шепнет своим палачам.

Не лицемерь, что плаха
Обойдет тебя стороной.
От грешного тела до праха
Путь такой небольшой.

Голосили под пыткой такие,
Что нам они не родня.
Боги Олимпа нагие —
Терпение их броня.

Сутки склонялись к неделям,
Месяц ложился в ряд.
Там годы корпели над телом:
Паром клубился смрад.

Обезумев от крови и пыток
Бичевали стражи себя.
Ведь дух казематный так чуток
К единственной капле добра.

Ребра трещали, как сучья,
Не остывал верстак.
Как снова острые крючья
На дыбу вздымали опять.

Но я, по своей гордыне,
Призрел приглашенье его.
С тех пор же, да и поныне,
Как узник, живу здесь давно.

В стране, разрозненной веками

Среди Шотландии унылой,
В горах бескрайних, где приют
Не жди в затерянной долине,
Коль ты не тот, кого так ждут

Покуда помнят эти скалы
Своих безжалостных владык.
Где к топору пристало скальпы,
Как жемчуг к жемчугу носить.

В стране, разрозненной веками.
Где каждый камень - щит и меч.

Где равный клан сходилась с равным,
И жизнь одну навек пресечь.

Сходились горы. Голос крови
Вещал лишь мстить другой семье.
Чтоб ненавистный высох корень,
И тень рассыпалась во мгле.

Так сеял мир свои плоды.
И вот уже не за горами
Наш общий час настал страды.
За все пришлось платить костями.

Мой род был, словно меч стоглавый

Мой род был, словно меч стоглавый,
В сраженьях хваток, быстр и смел.
В бою лишь богу Марсу равный.
Теперь же в старости дряхлел.

Но были годы золотые.
Мне не забыть те времена,
Как наши всадники лихие
Гнездовье рушили врага.

Наш строй литой вставал из тьмы,
Неся лишь страх и разрушенье.
Не зная голоса вражды,
Мы отсекали семя мщенья.

Мы не гнушались игрой,
И видит бог: для развлечения
Мы убивали род людской,

Как сытый волк - для наслажденья.

И все бы шло, как и поныне.
Наш род величие, достоинство стяжал.
И видит бог, как прежде, злые,
Вершил деяния безжалостный кинжал.

Ни чтобы пошатнуть не смело
Всяк посягнувший умирал.
Не важно было: слово, дело.
Когда б не он, немой вдруг не сказал.

Хранивший вечное молчанье,
Он пир остановил рукой.
И начал скорбное сказанье
Под праздничный, победный вой.

Я был свидетель славных битв,
Великих помыслов и горьких поражений.
Но, чтобы смерть в ответ не слышала молитв
И скорби полных сожалений.

Чтоб мертвецы и после смерти,
Покоя не достойны были.
Чтоб изголовия из тверди
Родные золотом платили.

И слова чести, слова друга,
Ценою стали вдруг для нас.
Чтоб убивали для досуга.
Ведь боги видят - судный час.

Пробьет немедля и тогда -
Богатый лоск завоеваний

Сойдет, как снег и снова - нищета
Лицо нам обратит своих страданий.

О, верьте мне, как может лишь язычник
К холодной воле идола в молитве вопросить.
Довольно войн. Довольно стычек.
Огонь вражды нам надобно забыть.

Но речь его прервалась в полуслове.
Он захрипел вдруг, рухнул ниц.
Предательской рукой сраженный в злобе,
Затих и навсегда застыл.

До самого утра ликующее племя,
Глумилось над останками глупца.
Но так непостоянно в руках кровавых время:
То чаша полная, а то - совсем пуста.
Ничто уж нас спасти не смело.
Мой род закованный в металл.
Разбит сначала был, затем рассеян,
И в жертву посвящен чужим богам.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Империя зла.....</u>	<u>3</u>
<u>Клятва нас вела через года.....</u>	<u>4</u>
<u>Кто искал в поражениях победу....</u>	<u>6</u>
<u>Слышишь, близкая мама.....</u>	<u>8</u>
<u>Снег завалил мир по крыши.....</u>	<u>10</u>
<u>Почтальон.....</u>	<u>11</u>
<u>Ревность.....</u>	<u>12</u>
<u>Разводные мосты.....</u>	<u>13</u>
<u>СССР.....</u>	<u>14</u>
<u>Мой SMS как SOS.....</u>	<u>15</u>
<u>Песням моим, как птахам, пичужкам.....</u>	<u>16</u>
<u>Ах, только меня потяни.....</u>	<u>18</u>
<u>Вечный, как солнце, Константинополь</u>	<u>19</u>
<u>Это вершина еще не моя.....</u>	<u>20</u>
<u>Десять лет без передышки.....</u>	<u>21</u>
<u>Мы ходили в мореходку</u>	<u>22</u>
<u>Грустными шагами.....</u>	<u>24</u>
<u>Страданий моих ожерелье.....</u>	<u>26</u>
<u>Пусть совсем она беспородная.....</u>	<u>26</u>
<u>Минотавр.....</u>	<u>28</u>
<u>Кричат мне все: „остался ты на старте“.....</u>	<u>30</u>
<u>Мы расстались на веки - вечные</u>	<u>31</u>
<u>Построю дом у самого синего моря</u>	<u>32</u>
<u>Где-то счастье мое заплутало.....</u>	<u>33</u>
<u>Этот путь.....</u>	<u>34</u>
<u>Мужчина, как ваше имя?.....</u>	<u>35</u>
<u>Пасха.....</u>	<u>38</u>
<u>Ты бросаешь под ноги корсет.....</u>	<u>39</u>
<u>Дорога, как клетчатый шарф.....</u>	<u>40</u>

<u>Жизнь его – просто дорога.....</u>	<u>40</u>
<u>Такси огней.....</u>	<u>43</u>
<u>Душа, как заброшенный храм.....</u>	<u>44</u>
<u>Ты шептала чужое слово.....</u>	<u>44</u>
<u>Страшнее смерти только смерть</u> <u>чужая.....</u>	<u>45</u>
<u>Всю суету оставим на потом.....</u>	<u>46</u>
<u>Коль есть большая Родина.....</u>	<u>47</u>
<u>Задуют прежние ветра.....</u>	<u>49</u>
<u>Звучал вдалеке оркестр.....</u>	<u>50</u>
<u>Ну, разве он колючий.....</u>	<u>52</u>
<u>Все не видать долгожданной весны</u> <u>.....</u>	<u>53</u>
<u>Ведь все это я написал.....</u>	<u>56</u>
<u>Ноги сами несут в казино.....</u>	<u>57</u>
<u>Сны, как закрытые двери.....</u>	<u>60</u>
<u>Женские слезы – дело обычное... </u>	<u>62</u>
<u>Чистое письмо.....</u>	<u>63</u>
<u>Костер ее рыжих волос.....</u>	<u>64</u>
<u>Где вы, страдания мои.....</u>	<u>66</u>
<u>Спи, мой ангел.....</u>	<u>68</u>
<u>Это еще что за всхлипы.....</u>	<u>69</u>
<u>.....</u>	<u>70</u>
<u>Знаю, что сердцем добры.....</u>	<u>70</u>
<u>От гудка ее вздрогнули плечи.....</u>	<u>72</u>
<u>Агнец с большими вихрами.....</u>	<u>73</u>
<u>Гончар.....</u>	<u>75</u>
<u>Паганини.....</u>	<u>76</u>
<u>Шарманщик.....</u>	<u>77</u>
<u>Сивка-бурка.....</u>	<u>78</u>
<u>Карлсон и малыш.....</u>	<u>81</u>
<u>Никогда не пойму этих женщин..</u>	<u>82</u>
<u>Ты самая лучшая.....</u>	<u>83</u>
<u>Что такое, не спрашивай, счастье</u> <u>.....</u>	<u>84</u>

<u>Падают мне лепестки.....</u>	<u>85</u>
<u>Старая дева.....</u>	<u>86</u>
<u>Как корабли падают листья на</u> <u>воду.....</u>	<u>87</u>
<u>Ходил за девчонкой тенью.....</u>	<u>88</u>
<u>Стало щекам горячо.....</u>	<u>89</u>
<u>Сегодня хочу, мужчина, быть с</u> <u>вами.....</u>	<u>90</u>
<u>Бывший холостяк.....</u>	<u>91</u>
<u>Живу от звонка до звонка.....</u>	<u>93</u>
<u>Я живу в панельном доме.....</u>	<u>96</u>
<u>Ты на Мальдивы – я на Полюс. .</u>	<u>98</u>
<u>Куртизанка она и больше ни слова</u> <u>.....</u>	<u>99</u>
<u>Ах, твоя лесбийская душа.....</u>	<u>100</u>
<u>Твоя любовь опять раба.....</u>	<u>102</u>
<u>Профессиональный бокс.....</u>	<u>103</u>
<u>Брачное агенство для мам и пап</u> <u>.....</u>	<u>106</u>
<u>Бенгальский огонь.....</u>	<u>108</u>
<u>Ах, этот голос Мельпомены.....</u>	<u>109</u>
<u>Возьми меня на абордаж.....</u>	<u>110</u>
<u>Здесь, словно ворон на крыше..</u>	<u>112</u>
<u>Сколько дней тебе нужно для</u> <u>счастья.....</u>	<u>113</u>
<u>Пишу всем партитуры</u>	<u>114</u>
<u>Моя страсть, как табун лошадей</u> <u>.....</u>	<u>115</u>
<u>Все вернется на круги своя.....</u>	<u>117</u>
<u>Придет новогодняя сказка.....</u>	<u>118</u>
<u>Как быстро проходят дни.....</u>	<u>119</u>
<u>Я думал, Родина - звук.....</u>	<u>120</u>
<u>Упал туман, как белый свет.....</u>	<u>123</u>
<u>Я паду пред тобой на колени.....</u>	<u>123</u>
<u>Я не верил в такую любовь.....</u>	<u>124</u>

<u>Он, как гора Везувий.....</u>	<u>125</u>
<u>В лабиринтах лунного света.....</u>	<u>128</u>
<u>Мерцает свеча, онемела рука....</u>	<u>129</u>
<u>Светило бесстрастным лучом....</u>	<u>130</u>
<u>Это и есть самый тяжкий мой грех</u> <u>.....</u>	<u>132</u>
<u>Твои окна выходят на храм.....</u>	<u>133</u>
<u>Случайная встреча</u>	<u>134</u>
<u>Светлый клоун. Грустный клоун.</u> <u>.....</u>	<u>136</u>
<u>В сверкающий горн</u>	<u>137</u>
<u>Сегодня в муках черной ночи....</u>	<u>140</u>
<u>Как пара белых лебедей.....</u>	<u>141</u>
<u>Ничто душу мою так не согреет</u>	<u>142</u>
<u>Мачо.....</u>	<u>142</u>
<u>Вот моя смерть стоит на пороге</u>	<u>143</u>
<u>Песня для Пугачевой и Галкина.</u> <u>.....</u>	<u>145</u>
<u>Рассмус бродяга.....</u>	<u>148</u>
<u>Ну, что из того, что я полигамен</u> <u>.....</u>	<u>149</u>
<u>Поплачь прошу обо мне.....</u>	<u>150</u>
<u>Кораблекрушение.....</u>	<u>152</u>
<u>Ведут к несчастью сто дорог.....</u>	<u>154</u>
<u>Хриплю, как раненый зверь.....</u>	<u>155</u>
<u>Одесса.....</u>	<u>155</u>
<u>Одиссей и одесситы.....</u>	<u>157</u>
<u>Виртуальная рана.....</u>	<u>161</u>
<u>Тетива твоих черных ресниц....</u>	<u>162</u>
<u>Дней осенних тишь и шелест....</u>	<u>162</u>
<u>Я буду смерть свою желать.....</u>	<u>163</u>
<u>Не плачь, еще совсем не время..</u>	<u>164</u>
<u>Никогда мы не были вместе.....</u>	<u>165</u>
<u>Я живу здесь под самой крышей</u> <u>.....</u>	<u>167</u>

<u>Ты не Да Винчи Мадонна.....</u>	<u>168</u>
<u>К глазам твоим идут мои седины</u> <u>.....</u>	<u>169</u>
<u>Осенний букет.....</u>	<u>170</u>
<u>О любви моей не узнаешь.....</u>	<u>170</u>
<u>Взялся за гуж – так держись.....</u>	<u>171</u>
<u>Связывал нас один только секс</u>	<u>173</u>
<u>Старый адрес.....</u>	<u>174</u>
<u>Все проходит и это пройдет.....</u>	<u>176</u>
<u>Ты один не спишь в колыбели..</u>	<u>177</u>
<u>В моих ли силах разлюбить тебя</u> <u>.....</u>	<u>178</u>
<u>Изабель.....</u>	<u>178</u>
<u>В мою душу приходит циклон...</u>	<u>179</u>
<u>Я жизнь свою сейчас меняю.....</u>	<u>180</u>
<u>Я читаю во мраке скрижаль.....</u>	<u>181</u>
<u>Как рыжий стою на ковре.....</u>	<u>182</u>
<u>Мой херувим.....</u>	<u>184</u>
<u>Он живет будто на облаке.....</u>	<u>186</u>
<u>Песочные часы.....</u>	<u>187</u>
<u>Мустанг.....</u>	<u>188</u>
<u>В бубен цыганский ударил раскат</u> <u>.....</u>	<u>189</u>
<u>Ищу вожака.....</u>	<u>189</u>
<u>Наколка.....</u>	<u>191</u>
<u>Любовь, она есть.....</u>	<u>192</u>
<u>Викинги.....</u>	<u>194</u>
<u>Что у нас за торг – за торжество</u>	<u>195</u>
<u>Беспощадным словам печальный</u> <u>слуга.....</u>	<u>198</u>
<u>Я не был там.....</u>	<u>200</u>
<u>Икар.....</u>	<u>201</u>
<u>Страстную ночь укрывал не</u> <u>мехами</u>	<u>202</u>

<u>Клубовые облака, отложили рейс пока.....</u>	<u>203</u>
<u>Безоблачные реки без осадков...</u>	<u>205</u>
<u>Судьба.....</u>	<u>207</u>
<u>Проблесковые огни.....</u>	<u>207</u>
<u>Кровник.....</u>	<u>208</u>
<u>Это не сон, не сильная доза.....</u>	<u>211</u>
<u>На всех мы делили скорбную участь.....</u>	<u>212</u>
<u>Душа зовет душа в крестовые походы.....</u>	<u>213</u>
<u>Погряз, как старец в мыслях и сомненьях.....</u>	<u>214</u>
<u>Любовь без границ.....</u>	<u>215</u>
<u>Боль поселилась в сердце моем.</u>	<u>216</u>
<u>Он не херувим.....</u>	<u>217</u>
<u>Эта любовь выжигала каленым мечом.....</u>	<u>219</u>
<u>Я был рожден точь-точь в семь сорок.....</u>	<u>220</u>
<u>Ты хлеб отрубной вкусишь</u>	<u>223</u>
<u>Опять отправился в поход.....</u>	<u>224</u>
<u>Вечную память пели святые.....</u>	<u>225</u>
<u>Невод бросил в воду Создатель.</u>	<u>226</u>
<u>Пилигримы.....</u>	<u>227</u>
<u>Заплету паруса, словно косы.....</u>	<u>228</u>
<u>Когда слышу – снова ноябрь.....</u>	<u>229</u>
<u>Как заглянуть в такую грудь.....</u>	<u>231</u>
<u>Здесь у самой полости рта.....</u>	<u>232</u>
<u>Есть во мне скрытая жила.....</u>	<u>233</u>
<u>Возведите меня на костер.....</u>	<u>234</u>
<u>Цезарь.....</u>	<u>235</u>
<u>Дева Баллада.....</u>	<u>237</u>
<u>Бежать под сень чужого свода...</u>	<u>238</u>
<u>В порыве гнева.....</u>	<u>239</u>

<u>Он - дикий нарвал.....</u>	<u>241</u>
<u>Во тьме ночной спешит лишь</u>	
<u>путник.....</u>	<u>243</u>
<u>Какая ножка.....</u>	<u>243</u>
<u>Вечные странники.....</u>	<u>244</u>
<u>Я червь.....</u>	<u>244</u>
<u>Эй, погост.....</u>	<u>245</u>
<u>Зачем мы были сведены.....</u>	<u>247</u>
<u>С чего начать, в недоуменье</u>	<u>248</u>
<u>Живи, как будто день один.....</u>	<u>249</u>
<u>О, лицемерие, - венец искусства</u>	
<u>.....</u>	<u>250</u>
<u>Прими меня под сень свою.....</u>	<u>251</u>
<u>Давно мой разум ищет тленья... </u>	<u>252</u>
<u>Я снова плакал в тишине.....</u>	<u>253</u>
<u>Все реже мыслю я терзать.....</u>	<u>256</u>
<u>Белый крест.....</u>	<u>257</u>
<u>Когда не встретил бы тебя.....</u>	<u>258</u>
<u>Даруй нам, Боже, славного врага</u>	
<u>.....</u>	<u>260</u>
<u>Зачем все это?.....</u>	<u>262</u>
<u>Блажен, кто с чистым сердцем ...</u>	
<u>.....</u>	<u>262</u>
<u>Неси печальное чело.....</u>	<u>266</u>
<u>Уже недолго мне осталось.....</u>	<u>266</u>
<u>Сердцу милое дитя.....</u>	<u>267</u>
<u>Снова мы гладиаторы.....</u>	<u>270</u>
<u>Из всех дорог небесный Отче.....</u>	<u>271</u>
<u>Роза пустыни.....</u>	<u>271</u>
<u>Я тебя приглашаю на шабаш .</u>	<u>272</u>
<u>В стране, разрозненной веками.</u>	<u>273</u>
<u>Мой род был, словно меч</u>	
<u>стоголавый.....</u>	<u>274</u>